

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ТЕМНЫМ ЛОРА

Меч Эдриджана

Александр Дмитриевич Прозоров
Меч Эдриджуна
Серия «Темный Лорд», книга 3

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8883174

Александр Прозоров. Меч Эдриджуна: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-77495-1

Аннотация

Битали Кро заканчивает пятый курс магической школы маркиза де Гуяка. В считанные недели ему предстоит испытать любовь и угрозу смерти, узнать о предательстве лучшего друга и столкнуться со сложностями мира простых смертных, пройти испытания северных варваров и вступить в схватку с черными колдунами за право обладать древними артефактами. Его судьба определяется обещанием тренера по рукопашному бою: «Получишь зачет, если доживешь до осени». Но Битали не сдастся, пытаясь стать достойным звания Темного Лорда, далеким потомком которого он является...

Содержание

Долгий весенний день	5
Шкура быка	60
Призрачный щит	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Александр Прозоров

Меч Эдриджуна

© Прозоров А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Долгий весенний день

Волчьи клыки клацнули перед самым носом, вроде даже как задев лицо, увлажнив горячей слюной, и Битали отпрянул, торопливо сунул руки к боевому амулету, за клинками. Но там ничего не было – ни бемгишей, ни амулета, ни даже волшебной палочки. Только густая плотная шерсть. И ладоней тоже не было – были широкие когтистые лапы, густо поросшие синеватой с проседью щетиной. И все, что он мог сейчас сделать, – это попытаться зарыться, спрятать беззащитную спину под толщей земли.

Однако звери знали про эту барсучью хитрость и не давали ему выкопать под собой укрытие, нападали с разных сторон, выскальзывая между деревьями, вынуждали крутиться, отмахиваться когтями, клацать зубами, пятиться от полувырытой ямы на открытое место. Волков было четверо: матерых, широкогрудых, сильных и быстрых, а он – один. И острый предсмертный ужас стремительно наполнял его душу...

«Я барсук?» – удивился во сне Битали Кро, однако захлестнувший душу ужас быстро выдернул из памяти давнишнюю, еще осеннюю встречу в лесу с упитанным короткоухим красавцем, черно-белую морду, внимательный взгляд и то чувство единения, что пробило юного чародея до самого сердца, одновременно позволив ощутить сердце барсука.

Тотемник!!!

Похоже, это был его тотемник, попавший в беду где-то там, в темной чащобе, и вот-вот рискующий погибнуть, убив одновременно и спрятанную внутри живого хранилища маленькую частицу его самого...

Зверь крутанулся, кляцнул челюстями, отпугивая хищника, что попытался укусить за копчик, тут же метнулся в другую сторону, резанув когтями воздух, но так и не дотянувшись до близкого серого, ощутил резкую боль в спине чуть выше задних лап, опять попытался развернуться – однако повисшая сзади тяжесть сковывала движение, остальные волки кинулись вперед одновременно сразу со всех сторон...

Все, это была смерть. И не столько надеясь на чудо, сколько в приступе отчаяния, Битали вскинул руку с раскрытой ладонью:

– Вэк!!!

И тут неожиданно вцепившийся сзади в шкуру серый хищник, словно получив пинок от невидимого великана, взметнулся в воздух, пару раз перевернулся в полете и с треском улетел в зеленеющие в полусотне шагов кусты.

– Трунио! – торопливо вскинул палец в сторону другого зверя Битали, и тот споткнулся, жалобно заскулил, неуклюже потрусил в сторону на трех лапах.

После столь неожиданного и жестокого отпора оставшиеся волки отскочили, попятились, оскалив зубы и злобно рыча. Однако барсука рычанием не проймешь. Спешно рабо-

тая всеми ногами, он быстро раскидывал в стороны землю прямо из-под себя, углубляясь в чуть влажную глину, потом стал скрести задними ногами, выпихивая рыхлую землю вперед, и вскоре ушел толстым задом в сырую полунору, оставив снаружи только морду и передние лапы.

Длинные когти, крепкие клыки, способные порвать не то что волка, но даже кабана, охраняли подступы спереди, земля надежно закрывала спину. В таком укреплении его было уже не взять – сам кого хочешь задерет! Волки же и без того в схватку больше не рвались, рычали издалека.

Барсук начал потихоньку успокаиваться, страх ослаб, и вместе с ним растворились запахи, сырость, прохлада. Битали уже не чувствовал, а просто видел зверя и лес вокруг, однако и это видение вскоре дрогнуло, поплыло... И он проснулся, в последний миг дернув руками и ногами, словно продолжая рыть нору, и тем сбросив с себя одеяло.

Рывком сел в постели. Неуверенно потрогал голову, лицо.

Короткая стрижка, чуть приплюснутый нос, уши по бокам. Может, чуток и лопоухие, но точно не барсучьи. Да и лицо человеческое. И когти на пальцах не растут. Просто сон, хотя и невероятно яркий, до полной натуральности. Или все же не сон?..

В комнате еще царил слабый предрассветный полумрак, однако глаз уже хорошо различал привычную обстановку вокруг. Два шкафа, два стола, две постели. Стены, сложенные из огромных грубых валунов, деревянные пол и потолок,

очаг в центре и несколько идущих по кругу застекленных окон.

Все как всегда... Разве только спящий напротив, за очагом, Надодух тоже сбросил с себя одеяло и часто-часто дергал ногой, словно от кого-то убежал.

Впрочем, недоморфу одеяло все едино было ни к чему – у него своя шерсть была любому тигру на зависть, вдвое длиннее, гуще и жестче, нежели у барсука. Древнее родовое проклятье, изводящее клан чатий Сенусертов, сделало последнего, седьмого потомка истребившего целую страну мага странным существом – ни оборотнем, ни человеком. Руки, ноги, голова – как у людей; шерсть на теле и лице, слух и нюх – как у зверя. И пах Надодух собачатиной, особенно если намокал.

Проклятье почти победило род Сенусертов, но... Но в самый последний момент в его судьбу вмешались Битали Кро и братство Башни, сперва отбив замок Надодуха у его соседей, положивших глаз на почти бесхозное и уже беззащитное имущество, а затем неожиданно для всех на искреннюю страсть недоморфа откликнулась красивая умница Анита Горамник, вполне прагматично решив, что на седьмом колене проклятье закончится, и потому за детей можно не опасаться. Что до внешности – для мужчины это не главное из достоинств. Главное, чтобы любил искренне и защитить умел. Остальное – мелочи.

Так что мысли об отшельничестве где-нибудь в Трансиль-

ванских чащобах родовитого чатию Надодуха Сенусерта ныне окончательно покинули...

– Счастливчик... – зевнул Битали. – Все свое будущее наперед уже знает.

Всего полгода назад Кро был примерно так же уверен в своей судьбе: образование, наемничество вместе с отцом, любовь, женитьба и, может статься, вступление в один из знатных кланов... Или нет – в жизни вольного воина тоже есть немало преимуществ.

И тут внезапно Битали Кро узнал, что является живым воплощением всеми проклинаемого Темного Лорда и его янтарные глаза у всех и каждого пробуждают желание убить чудовище. Жив же потомок кровавого врага свободного мира остается лишь потому, что тайна сия известна всего лишь несколькими посвященным...

В общем, хорошая жизненная перспектива. У барсука среди волков шансы на долгую счастливую судьбу куда как выше.

За толстым оконным стеклом, выходящим в замковый парк, все собирался и собирался, но никак не начинался рассвет. Однако сон уже окончательно выветрился из головы пятнадцатилетнего юноши. Посему Битали, облачившись в парусиновую ученическую форму, прихватил полотенце и решительно ударил волшебной палочкой по подоконнику, тут же оказавшись в полутемном коридоре между лап осклизшегося сфинкса. Отмерил несколько шагов, повернулся

к стене, уколол ее волшебной палочкой:

– Онберик! – прошел сквозь кладку, оказавшись на лестнице, и побежал по ней вниз, в душевую.

Замок, достроенный маркизом де Гуяком многие сотни лет назад, перед самой Большой Войной, оказался слишком тесен для расположившегося в нем колледжа; профессор Бронте берег каждый дюйм, и потому лестницы здесь были большой редкостью, сохранившись от смертных только в нескольких местах. Дверей же, почитай, и вовсе не встречалось. Зачем они потомственным чародеям? Ходить через стены должны уметь даже первокурсники!

– Доброе утро, хозяин... Доброе утро...

Домовые таились даже от него, и потому приветствия доносились как бы из пустоты: от кучек с мусором или полупротертых окон.

– Вам хорошего дня, добрые помощники! Не хозяин я вам, просто друг. Не забудьте прийти сегодня за угощением!

– Благодарствуем, хозяин! Спасибо за заботу! Рады служить, Лорд!

Убеждать трудолюбивых низших духов в том, что он не хозяин, а друг, было бесполезно. К тому же они чуяли в нем кровь Темного Лорда, которому, по слухам, по сей день втайне поклонялись.

В гулкой и холодной душевой Битали в гордом одиночестве помылся, а хлопотливые домовые тем временем утащили ношеное белье, заменив на чистое и глаженое, согрели

воздух вокруг него и пол у скамьи, приготовили расческу.

– Надо к обычному угощению еще что-нибудь добавить, – одеваясь, вслух подумал юный маг и внезапно поймал себя на том, что начинает мыслить как низшие существа: пытается обеспечить справедливость. Хорошо награждать за хороший труд. В то время как уроки порабощения низших духов учат вызывать в домовых и эльфах чувство вины и тем понуждать трудиться вовсе без награды, превращая их стремление к справедливости в подобие кандалов.

– Какие вы молодцы! – в нарушение всех правил похвалил домовых Битали. – Теперь я ваш должник. На молоко парное приглашаю.

Вернувшись в башню Кролика, он в задумчивости постоял над приятелем, но будить не стал – сходил на завтрак один, застав столовую почти пустой. Вернулся, зевнул над все еще спящим приятелем.

За окном уже рассвело, но времени до первого урока все равно оставалось еще изрядно, развлечений поутру никаких не предвиделось. Побродив в своей комнате от стены к стене, Битали прилег на постель...

– Вставай, Кро!!! Дальномирие проспишь! Завтрак ты уже продрых, засоня!

– А-а?! – поднял голову Битали и понял, что башня густо залита ярким светом.

– Вставай, побежали! – опять тряхнул его полностью одетый недоморф. – Опоздаем!

Промчавшись через замок, они влетели в просторное помещение со сводчатым потолком, бухнулись за стол, запыхавшиеся и растрепанные, и почти в тот же миг сквозь стену прошел безупречно опрятный, чопорный и сухопарый профессор Омар ибн Аби Раба, походя поставивший на стол тонкую восковую свечу и рывком повернувшийся к классу:

– Сила! О ней, дорогие мои, вы слышите с самого первого курса нашей школы. Сила есть суть и смысл нашего мира и все в нем определяется ее наличием или нехваткой. Чем больше в предмете силы, тем он горячее и ярче. Чем больше силы способен он воспринять, тем тяжелее и плотнее он кажется, чем больше ее накопит материальная структура, тем прочнее становится, и наоборот: теряя силу, вещь ослабевает и истончается и даже может исчезнуть полностью, оставив о себе лишь слабое пятнышко. Мсье Батиас, вы можете привести пример подобного преобразования?

– А-а-а... – вскочил из-за парты у окна коротко стриженный паренек из землячества троллей, растерянно закрутил зрачками, увидел свечу и радостно указал на нее пальцем: – Вот! Когда она горит, дает жар и свет, растрачивая на них свою силу, и вместе с тем исчезает, пока не рассеивается полностью. Или лед. Теряя силу, он из прочного камня обращается в воду, а она в пар, пока не рассеивается полностью.

– Мне нравится ход ваших мыслей, – чуть вздернул левую бровь Раба. – Однако почему вы выделили лед?

– Я не выделил, я сравнил, – спохватился юноша. – Ра-

зумеется, любой камень, теряя силу, точно так же способен растаять, а затем испариться.

– Добавляю вам два балла в аттестат, мсье, садитесь, – кивнул профессор и двинулся по аудитории. – Сила определяет все! Пустота – это всего лишь место, где совершенно нет силы. Воздух, газы – это более высокая плотность силы. Жидкость – это еще более высокая плотность, а твердые предметы – это уже ее настоящий концентрат... Как вы полагаете, мадемуазель Горамник?

– А живые существа – это место преобразования сил! – вскочила со своего места отличница. – Их неустойчивое состояние определяет изменчивость живых организмов и легкость, с которой сила перетекает от одного из них к другому, – девушка чуть запнулась и уточнила: – При пищеварении.

– Три балла в аттестат, – оценил ее добавление профессор Омар и двинулся дальше: – А чем люди отличаются от животных, мсье Дожар?

Наследник графского титула Дожаров, такой же ухоженный, как араб, даже парусиновая форма которого отдавала каким-то неуловимым лоском, металлическим отливом, поблескивающий сразу тремя перстнями, с тонкими чертами лица и влажными, зачесанными назад волосами, отчеканил так же твердо и уверенно, как и отличница:

– Люди способны впитывать природную силу не только при пищеварении, но и напрямую – из окружающего мира –

постоянно либо при проведении обряда кроссовинга.

– Три балла, – кивнул профессор. – Итак, дорогие друзья, мы знаем, что в нашем мире всем правит сила. А также то, что люди способны управлять ею напрямую. Какой из этого следует вывод? – Араб сделал выжидательную паузу, ожидая ответа, но не дождался и с сожалением вздохнул: – Из этого следует тот факт, что мы способны сознательно изменять окружающий мир.

– Там мы его и так меняем! С помощью заклинаний! – не выдержав, высказалась узкилиця Генриетта Вантенуа.

– Мы меняем мир, даже просто пнув камушек на дороге, – чуть склонив голову, ответил ей Аби Рабиа. – Однако, согласитесь, между откатыванием булыжника в сторону и строительством из валунов неприступного замка есть некоторая разница. Впрочем, в вашем утверждении имеется свой весомый резон. Мы меняем мир с помощью заклинаний. С помощью заклинаний, несущих в себе нашу силу. Сегодня мы впервые попытаемся воспользоваться этой человеческой способностью напрямую. Донести свою силу до объекта в чистом виде. Этому помогает двухопорное заклинание «имберлик». Произносится на конце вдоха и переходе на выдох с концентрацией внимания на кончике палочки и на втором слоге сбрасывается с него на избранную вами цель, унося к ней частицу вашей силы.

Профессор двумя пальцами извлек из нагрудного кармана палочку, вытянул чуть перед собой, поднимая кончик на

уровень глаза, выдохнул, вскинул подбородок:

– И-имбер! – палочка чуть дрогнула, словно с ее кончика что-то стяхнули, и стоящая на столе свеча распалась пополам.

– Только и всего? – хмыкнул себе под нос Надодух. – «Мартилло» куда надежнее будет.

– Вы так полагаете, мсье Сенусерт? – расслышал преподаватель близкий шепот. – Может статься, вы сможете повторить увиденное с помощью своего заклинания на оставшемся на столе кусочке?

– Запросто! – поднялся недоморф, достал свою палочку и, сжав ее в кулаке, резко направил на далекий стол: – Маррртилло!

Свеча смачно чавкнула и разлетелась в мелкие брызги.

– Эффектно, мсье Сенусерт, – одобрительно кивнул профессор. – Однако разве вы не заметили, что я не уничтожил свечу, а разрезал ее пополам? Как мне теперь пользоваться тем, что осталось после вашего опыта? – По комнате прокатился смешок, а пристыженный недоморф, нахмурившись, сел обратно за стол. Однако просто насмешки Омару ибн Аби Рабиа показалось мало, и он наставительно продолжил: – Нет универсальных заклинаний, мсье Сенусерт, и даже самое лучшее из них может оказаться вредным, примененное не вовремя и не к месту. Вот, допустим, вы охотитесь и увидели кролика. После «мартилло» от зверька останутся только мелкие кровавые брызги, а вот... Имбер! «Им-

берлик» позволит вам точно и аккуратно запечь его мозг или остановить сердце. Имберлик! И вы, мой юный друг, не останетесь голодным.

Каждый раз, произнося заклинание, преподаватель выстреливал им в сторону стола, и уцелевшая половинка свечи сперва мгновенно расплавилась, а потом так же быстро затвердела.

– И резать, и запекать, и останавливать... Все это одним заклинанием? – удивилась темноволосая Эджена из землячества троллей.

– Именно, мадемуазель! – рывком повернулся к ней профессор. – Вы заканчиваете пятый курс и настала пора переходить от ученических заклинаний к серьезным, взрослым чарам. Пять лет все вы учились концентрировать свое внимание, следить за мыслями, дисциплинировать свой ум. Система силовых заклинаний базируется именно на этом вашем навыке. Пользуясь заклинанием «имберлик», вы посылаете к объекту воздействия частицу своей силы, задав ей ту форму воздействия, которую сами желаете. Согреть, смять, поднять, протолкнуть сквозь препятствие, поджечь, преобразовать. Концентрируете мысль на кончике своей палочки и вместе с частицей силы сбрасываете на цель, оказывая необходимое воздействие. Имбер! Имбер! – палочка преподавателя дважды дрогнула, и свеча полыхнула пламенем, чтобы тут же потухнуть в луже воды.

– Вы говорили, что заклинание двухопорное, профес-

сор, – напомнила Анита Горамник.

– О, простите, мадемуазель! Меня немного отвлекли, – развел руками араб и стрельнул взглядом в Надодуха. – На самом деле данное заклинание может быть как обычным, так и двухопорным по желанию мага. Вы можете либо послать свою силу, либо вытянуть силу из объекта воздействия. Для этого вы создаете из своей силы мысленную петлю, бросаете ее первыми опорными слогами «имбер», а затем тут же отдергиваете слогом «лик». Прошу всех посмотреть за окно. Видите ветку ясеня у верхней фрамуги? Имберлик!

Листья на качающейся за стеклом ветке мгновенно обвисли, словно из-за долгой засухи.

– Может, это и надежнее «мартилло» будет... – задумчиво решил недоморф.

– Рад, что смог вам угодить, мсье Сенусерт, – склонил голову Омар Рабиа и стремительно направился к столу. – Поскольку все здесь являют собой уже хорошо обученных магов, тратить время на одноопорный вариант не будем. – Профессор извлек из ящика и поставил на стол еще одну свечу. – Задание таково: направляем в свечу толику силы, дабы оплавить кончик, и тут же эту силу отдергиваем, забираем, дабы воск снова затвердел. Первому, кто справится, десять баллов в аттестат. Второму пять, третьему один.

Ученики тут же взяли за палочки – и буквально сразу свеча разлетелась в брызги, затвердевшие на лету.

– Прекрасно, мсье Дожар, – вскинул брови профессор. –

Десять баллов вы заслужили, однако впредь старайтесь соотносить сбрасываемую силу с поставленной целью.

Омар Рабиа прошел к столу, поставил на него новую свечу, отступил в сторону, начертав перед собой палочкой защитную руну.

– Имберлик, имберлик!!! – загомонил класс. Прошло несколько мгновений – свеча опять обратилась в брызги.

– Первая часть у вас получилась, мсье Ларак, однако обратное движение не сработало, – профессор выставил на столешницу новую мишень.

Несколько попыток – и у нее вдруг оплавилась макушка, тут же застыв небольшой шапкой.

– Пять баллов, мадемуазель Горамник, – кивнул араб.

– Я могу задать вопрос, профессор? – вскинула руку отличница.

– Да, мадемуазель.

– Скажите, если наличие силы в предмете делает его тверже, а отсутствие разжижает и развоплощает, то почему мой импульс плавит свечу, а не делает ее тверже?

– Вы коснулись темы, по поводу которой научное сообщество еще не пришло к твердому мнению, – перехватив палочку двумя руками, ответил ей преподаватель. – Признаю, есть школы, которые считают, что предметы разрушаются от избытка попадающей в него силы, и, что интересно, смертные в большинстве придерживаются того же мнения. Однако большая часть мыслителей уверена, что при попадании

в некий объект силы, каковую он не готов воспринять, он начинает разрушаться и при этом теряет накопленную силу, разогревается, разрушается дальше, выделяет больше силы, отчего опять же разрушается... И так до полного исчезновения. Ярким, во всех смыслах этого слова, примером подобного нарастающего саморазрушения являются, в частности, звезды. Огромные, очень массивные объекты, проходящие стадию разогрева-разрушения, излучая при этом практически бесконечное количество света и тепла. Из более простых и близких примеров можно привести попытку расплющить, скажем, гвоздь. Нанесите несколько ударов, потрогайте. Он нагреется. Вы его разрушаете, он нагревается. Если продолжать этот процесс долго, он тоже сперва расплавится, а потом обратится в газ, – профессор взмахнул руками, оставив палочку висеть в воздухе. – В науке есть еще целый ряд вопросов, на которые не способна ответить школа «накопителей силы», но это может увести нас довольно далеко от темы урока. Скажу лишь, что в любом случае формулы, описывающие процессы перетока сил, у обеих школ совершенно идентичны, дают одинаково подтверждаемые результаты и отличаются только толкованиями процесса.

– Благодарю, профессор.

– Вижу по вашему взгляду, мадемуазель, вы уже запланировали поход в библиотеку. Рекомендую ознакомиться с работами Анри Эристана и Эдма Марриотта. Однако не ожидайте слишком многого. Ибо умение управлять и преобразо-

вывать предметы состоит в навыках концентрации и умении правильно мыслить, – Омар ибн Аби Рабиа постучал пальцем себя по виску, – а вовсе не в гадании о том, вытекает теплород в изменяемую вещь или вытекает из нее.

– Спасибо, профессор Рабиа, – кивнула Анита Горамник. – Меня всего лишь заинтересовали упомянутые вами парадоксы.

– Прекрасно! Если вопросов больше нет...

– Есть, профессор, – на этот раз поднялся Битали Кро. – Скажите, а можно успешно пользоваться заклинаниями, не имея палочки?

– Интересная тема... – вскинув брови, подошел ближе араб. – Даже не знаю, что ответить... Вот скажите, мсье Кро, можно ли есть, не пользуясь ложками и вилками?

– Если нет другого выхода, то, конечно, можно, – пожал плечами Битали. – Но с вилкой куда удобнее.

– Вот вы и ответили на свой вопрос, молодой человек. Палочка у вас в руках помогает концентрации. Это точка, на которой можно сосредоточить внимание. Палочка изготавливается из материалов, хорошо впитывающих силу и благодаря тому может очень значительно увеличивать воздействие ваших заклинаний, дополняя ваши импульсы своими запасами. Однако в конечном счете все начинается здесь! – Преподаватель опять постучал пальцем по виску. – В вашем умении направлять свою волю и ставить четкие цели. Имбер...! – Араб, даже не поворачивая головы, вытянул руку,

и на оплавившейся свече вспыхнул огонек. – ...Лик!

Огонек погас.

Ученики зашевелились, пытаясь повторить чародейство за учителем и...

– Проклятье!!! – Профессор, вскрикнув, врезался в ближний стол, захлопал ладонью по дымящемуся локтю. По рукаву пиджака быстро расползалась обширная подпалина. Да и сорочка, просвечивающая через возникшую дыру, тоже явно оказалась прожжена: – Мсье Цивик, чтоб вас с вашими кривыми руками! Уйдите с глаз моих и чтобы я вас больше не видел!

Рыжий большеглазый мальчишка, сидевший аккуратно перед Битали, стремительно сгреб конспекты, качнулся к стене и натурально исчез. Отводить взгляд невезучий бедолага умел не хуже домовых.

– Хватит, урок окончен! – сквозь зубы процедил араб, осматривая пострадавший рукав. – Тренируйтесь самостоятельно.

– Позвольте, зятю вам прореху? – предложила Анита.

– Не позволю! – скинулся профессор, но тут же спохватился, понизив тон: – Вы должны понимать, мадемуазель Горамник, что закливание «трунио» способно растянуть ткань, но не восстановит ни плетения, ни теплоты, ни шелковистости натурального кашемира. Простите за грубость... Невезение Цивика когда-нибудь погубит нашу школу. Не проходит и месяца, чтобы он чего-нибудь не испортил!

– Можно сделать заплаты, – подтянулся недоморфф. – Кожаные, я видел. Их как раз на локти ставят, чтобы меньше протирались.

– Теперь, наверное, придется, – вздохнул араб. – Но для начала я просто пойду переоденусь. Следующим занятием у нас идет естествознание? Битали Кро, вам десять баллов в аттестат, можете этих занятий не посещать.

– Ничего себе, гусар в любимчики выбился! – привстав, громко фыркнул прилизанный Арно Дожар. – Без уроков и с оценками! А чего бы его сразу в выпускники не зачислить?!

– Не забывайте, мсье Дожар! – неожиданно зло холодным голосом ответил Омар Рабиа. – В своем стремлении унижить мсье Кро вы ставите под сомнение мою беспристрастность! За такое оскорбление можно разом лишиться всех баллов, что вы заслужили в этом году!

– Простите, профессор, – моментально побелел графский отпрыск. – Я не имел в виду...

– А дабы у всех остальных не возникло столь же червивых мыслей, – араб обвел класс суровым взглядом, – напомним, что после трагической гибели профессора Налоби директор колледжа возложил обязанности смотрителя за домовыми на Битали Кро. И поскольку в замке царит порядок, ваш соученик с данными обязанностями неплохо справляется, вполне успешно применяя на практике все те навыки, которые вам еще только предстоит изучать. Посему вам придется изучать теорию, а ему закреплять практические навыки. Мадемуа-

зель Горамник и Вантенуа, мсье Сенусерт, Ларак и Дубус, вам пять баллов в аттестат, вы также свободны от урока. Насколько мне известно, вы тоже принимаете участие в этих хлопотах.

– Спасибо, профессор! Спасибо, спасибо! – Ученики из братства Башни, повеселев, быстро собрались и вышли из аудитории.

– Вот здорово! – в сумрачном зябком коридоре Ирри Ларак повернулся навстречу остальным. – Если мы покормим домовых сейчас, то не нужно будет заниматься этим вечером, и у нас останется огромная куча времени! Может быть, опять устроим вечеринку на поляне Надодуха?

– У меня не получится, – покачала головой Генриетта. – Раз появилось время, хочу в библиотеку сбегать.

– Да ладно тебе! Спросишь потом у преподавателей, и все.

– Смысла нет, – пожала плечами отличница. – Они то ли не знают половины тем, то ли не хотят время на нас тратить. Всегда все сводят к тому, что для заклинаний надобно полагаться на опыт свой, концентрацию и глазомер. А знание теории преобразований совершенно ни к чему. Странно еще, что нам математику преподают! Если все по глазомеру определять, то зачем точно считать?

– Это потому, что математика логическое мышление развивает и основами своими к эпохе Второго пророчества относится, – прозвучал из пустоты мальчишеский голос. – Это наша наука, наука магов. А в более поздних теориях смерт-

ные zelo преуспели, ничем людям не уступают. Признавать же сего никто не хочет.

– Цивик, явись передо мной, как лист перед травой! – усмехнулся Битали.

Послышался шелест, и возле стены, на фоне гобелена с марширующими воинами, несущими тускло светящиеся факелы, проявился рыжий большеглазый растрепа.

– Тот же Марриотт – это, между прочим, смертный, – продолжал паренек. – И все равно на него все наши ученые ссылаться вынуждены. Омар сильно разозлился, да?

– Не то слово, дружище! – хлопнул его по плечам могучий Дубус. – Убить был готов! Ты ему костюм из натурального кашемира испортил. Теперь только на выброс. А наш профессор Рабиа – личность утонченная, абы что не носит. Наверняка лет двести костюмчику, и происхождение от каких-нибудь шейхов ведет.

– Костюм в двести лет – это уже обноски, – покачала головой Анита. – Однако хороший кашемир редкость. Так что, Цивик, до каникул ты Омару и правда глаза лучше не мозоль. Как тебя только угораздило?

– Хотел свечу зажечь. Но едва только заклинание метнул, профессор повернулся и локоть под него подставил...

– Баронесса!!! – внезапно вскрикнул Дубус и отпихнул Цивика. Ученики поспешно выстроились вдоль стены, почтительно склонили головы:

– Хорошего вам дня, мадам! Вы прекрасно выглядите, ма-

дам! Спасибо за гостеприимство, хозяйка!

По коридору медленно двигался бесплотный дух, полупрозрачное белесое существо, имеющее облик женщины в длинном платье из плотной материи, в остроконечной высокой шляпке, с которой ниспадала вуаль, скрадывающая черты лица. Проще говоря – призрак, причем не самый сильный, и потому Битали не понял столь старательного пиетета перед ним своих друзей.

– Кто ты такой? – неожиданно остановился перед ним призрак. Но не успел Битали открыть рта, как вперед торопливо выступила Генриетта Вантенуа, поклонилась:

– Это ваш гость, баронесса, мсье Битали Кро.

– Мои гости обучены хорошим манерам, дитя. А этот грубиян не способен даже поздороваться. Скажу маркизу, чтобы сегодня же выставил его прочь! – И призрак величаво двинулся дальше.

– Ты чего, Битали?! – тут же дернул однокурсника за плечо Надодух. – Хочешь, чтобы тебя из школы выгнали? Это же баронесса Бажо! Почему не кланяешься?

– Баронесса Бажо? – все еще не понимал юноша.

– Вдова барона, упавшего с нашей башни! Разве тебя не предупреждали? При поступлении о ней говорят в первую очередь!

– Вдова барона? – наконец-то начал припоминать юноша. – Та самая, что попросила покровительства маркиза де Гуяка в обмен на безопасность и дожила до двухсот семи

лет? Вот проклятье! Я ведь ее за весь учебный год ни разу не встретил. Вот и забыл...

– Если директор узнает, будет плохо, – почесала острый нос Генриетта. – Выгнать, может, и не выгонит, но половину баллов точно снимет.

– Ну, по счастью, она обещала пожаловаться не директору, а маркизу, – пожал плечами Битали.

– Бедняжка... Она думает, что де Гуяк все еще жив, – вздохнула Анита и неожиданно прижалась к Надодуху, который тут же обнял девушку за плечо.

– А ты думаешь, он мертв? – повернул к ней голову Кро.

– Все так говорят... – неуверенно ответила отличница. – Устал от жизни, ушел...

– Про Темного Лорда говорили, что он побежден, разгромлен... А оказалось, просто исчез. Про маркиза де Гуяка говорили, что умер, а оказалось, что исчез. Про цепного Гроссера наверняка тоже говорили, что «он устал, он ушел». А оказался замурованным под замком. – Битали Кро задумчиво потер подбородок. – Вокруг Темного Лорда творится что-то странное и непонятное... Я понимаю, побежденный директором Чохара. Вот свидетели, вот череп, вот место и дата смерти. Я понимаю, профессор Налоби. Размазан ровным слоем по пещере вместе с тотемником. Есть свидетели, место смерти, дата. Но как так вышло, что Темный Лорд и его ближайшие соратники, сильнейшие маги мира, просто исчезли? Непонятно как и невесть куда?

– Да какая разница? – пожал плечами Ларак. – Главное, что их больше нет!

– Вообще-то сейчас я Темный Лорд, – перевел на него взгляд Битали. – А вы мои ближайšie соратники. Хочешь бесследно исчезнуть?

– А-а-а... Ну, если так... – зачесал в затылке паренек. – И чего тогда делать?

– Отнесите учебники по комнатам, а потом с Дубусом и Цивиком отправляйтесь на огороды, проверьте, все ли в порядке у тамошних гномов, – распорядился Битали. – А мы займемся молоком.

В кабинете профессора Налоби, ныне перешедшего в распоряжение Битали, все было в порядке: чистая посуда в шкафах, низенькие столы вдоль стен, сверкающие в отраженных солнечных лучах стекла окна.

– Трунио! – Взмахом палочки Кро увеличил одну из скамей до размеров высокого табурета, поднялся на него, снял с верхней полки крапивную веревку, зацепил петлей за крюк на потолке, спрыгнул к недоморфу, вытаскивающему фляги: – Готово!

– Почти, – расстегнула ворот Анита.

– Тогда мы пошли... – Битали прихватил за руку Генриетту и потянул за собой сквозь стену, привычно ткнув в нее палочкой: – Онберик!

– Спасибо, хозяин, – кивнула девушка, оказавшись в коридоре.

Битали знал, что заклинания у Вантенуа получались не очень хорошо, и когда девушка протискивалась через препятствия сама, испытывала болезненные ощущения.

– Не называй меня так, Генриетта, – попросил Кро. – Почему все нороят называть меня «хозяином»? От этого я начинаю чувствовать себя упырем, сгоняющим в амбар захваченную добычу!

– Я дала тебе клятву верности... Темный Лорд.

– Это была случайность, Генриетта, стечение обстоятельств. Без этого было не обойтись. Но я не собираюсь пользоваться своей властью. Мы просто друзья.

– А если я не хочу быть просто другом? Что тогда? – поджарая, как гепард, девушка приблизилась к нему.

– Тогда я все равно не воспользуюсь своей властью, – покачал головой юноша. – Это бесчестно.

– Ты забыл Хартию Свободных. «Сильному – слава, слабым – смирение». Если ты глава братства, тебе можно все. Никто и никогда не посмеет осудить тебя, мешать или перечить.

– Похоже, я заразился предрассудками низших духов, – пожал плечами Кро. – «Справедливость превыше всего».

– Это все из-за нее? – отступила Генриетта. – Думаешь о том, чем они с Надодоухом занимаются в комнате?

– Они просто выдаивают молоко...

– Однако Горамник, как колдунья, делает это обнаженной. А Надодоух там, с ней. Я же помню, как ты ревновал, когда

она предпочла тебе воняющего собачатиной недоморфа!

– Это была не ревность, – покачал головой Битали. – Просто жадность. Обида на то, что игрушка ушла к другому. Жадность – плохое чувство, оно всегда все портит. Сейчас Надодух на седьмом небе, что Анита с ним, Горамник тоже светится от счастья. Их радость льется через край, заливая все вокруг. И меня тоже, неизменно повышая настроение. А представь себе, что я бы уперся и захапал ее себе? Все бы ходили злые и унылые...

– А от этого удовольствия ты себя упырем не ощущаешь? – хмыкнула девушка. – Насыщаешься чужим счастьем! Это ведь только упыри-вампиры чужими силами и эмоциями питаются. И ты туда же. Остался один и радуешься. Какой из тебя после этого Темный Лорд?

– Ну, мешать искренней любви я точно не стану.

– А ты знаешь, какая она, настоящая любовь? – Девушка снова шагнула к Битали, обожгла лицо горячим дыханием.

– Надодуха спроси, – тихо ответил Кро. – Он это лучше всех объясняет.

Тут послышался легкий треск, что-то промелькнуло, а еще через мгновение выскочил рычащий, как дикий зверь, Надодух:

– Где он?! Где этот мелкий гаденыш?! Подглядывать удумал! А ну покажись! Убью!!!

– Найдешь ты его теперь, как же! – рассмеялась Генриетта.

– Ты же коловертыш, Надодух! – схватил друга за руку

Битали. – Ты не должен оставлять ведьму одну! Быстро назад к Аните!

Недоморф рыкнул еще раз и ушел обратно в стену.

– Цивик? – спросил в коридор Кро.

– Я хотел сказать, что Дубус с Ларак скамью подправляют и задержатся... – виновато ответила пустота. – Я же не знал, что они там... Думал, давно все закончилось.

– Сходи в столовую, попытайся набрать какой-нибудь сдобы, – ни на миг не усомнился в честности невезучего товарища Битали. – Хочу побаловать маленьких хозяев. Но до конца обеда все же не показывайся, Надодух быстро не отойдет.

На развешанных по стенам гобеленах дрогнул свет – где померкла полная луна, где закачалось пламя в костре охотников, где взметнулись в воздух зажженные стрелы лучников. Это стало единственным знаком того, что Цивик услышал Кро и отправился выполнять поручение.

Вскоре Битали и Генриетта услышали свист – заговоренный отличницей собачий свисток пробивался через любые стены и расстояния, оставаясь при том неслышимым ни для кого, кроме участников братства. Молодые люди одновременно вскинули палочки и вошли в кабинет, где посреди пола стояла полная фляга молока, а раскрасневшаяся, возбужденная Горамник опраивала жакет, утягивая его вниз, словно пытаясь опустить на уровень юбки.

Впрочем, это было нормально. Обряд выкрадывания молока невероятно пьянил и горячил любую ведьму, и если ко-

ловертыш вовремя ее не останавливал – колдунья вполне могла выдоить из коровы не только молоко, но и кровь, замучив ее до смерти.

– Чего смотришь? – кокетливо поправила рыжую прядь Анита. – Делом давай заниматься!

– Да, – Битали достал из шкафа ножи. – А где хлеб?

– Думаю, Дубус и Ларак уже несут, – буркнул Надодух, и Битали хорошо понял причину его недовольства:

– Перестань, приятель! Ты же знаешь Цивика, вся его жизнь – это попадание из одной неприятности в другую. Вспомни, сам рассказывал мне о его невезении. Он ничего плохого не замышлял. Просто опять оказался в неудачном месте в неудачный миг. Взбучку, думаю, он уже получил?

– Я его только пнуть успел! – с явным недовольством ответил недоморф. – И он тут же смылся.

– У Цивика хорошая реакция, – хмыкнула Анита, зашла Надодуху за спину, запустила пятерню в шерсть на его загривке. – Даже странно для хронического неудачника.

– Когда пару раз в день то подзатыльника, то пинка получаешь, быстро уворачиваться научишься, – ответила Генриетта, поигрывая ножом. – Прячется он тоже не хуже призрака.

– Ты ведь на него больше не сердишься? – Горамник обняла своего хмурого избранника, соединив руки у него на груди.

– Ты просто не знаешь, что он натворил!

– Но ведь ты на него больше не сердишься? – Анита тихонько прикусила его за левое ухо.

– Ладно, пусть живет, – со вздохом смирился проклятый потомок рода Сенусертов. – Но если еще раз попадется, то не пинка получит, а шило в пятую точку!

– Правильно! – Девушка звонко чмокнула его в ухо.

Надодух дернулся, но стерпел.

Наверное, если бы Анита захотела его загрызть – от Горамник недоморф стерпел бы даже это.

Битали тряхнул головой, отгоняя странную мысль, и принялся шарить по карманам в поисках своего свистка. Однако звать потерявшихся товарищей не пришлось – один за другим Ирри Ларак и Дубус протиснулись между шкафами, неся в руках по несколько мягких, еще теплых, пахнущих сладковатым дымком буханок.

– Наконец-то! – обрадовался Надодух. – За дело!

Ученики взялись за ножи и быстро порезали хлеб на ломти, разлили молоко во фляги – одну для домовых, другую для гномов.

За хлопотами подошло обеденное время, и всей компанией братство Башни отправилось в столовую, откуда вернулось со сдобными булочками и прощенным Цивиком. Булочки тоже порезали, деля на всех «маленьких хозяев», после чего Битали позвал Батану. Преданный потомку Темного Лорда монсалватский эльф от простых домовых почти не отличался: немногим выше колена, с большущими круглыми

глазами, курносый и остроухий, одетый в нечто, похожее на толстое шерстяное пончо грубой вязки, и короткие сапожки с завязками спереди на голенище. За своего низшие духи замка его все равно не принимали, однако слушались. Как не слушаться того, кто всякими вкусоностями от имени людей угощает?

– Хорошего тебе дня, мой друг! – кивнул малышу Кро. – Вот примите наше угощение и благодарность. Вы так хорошо трудитесь, наши помощники, что нам захотелось покормить вас повкуснее. Спасибо вам за старания!

Битали поклонился маленькому духу.

– Ты очень добр к нам, Темный Лорд, – явно растрогался Батану. – Я передам твои слова и твой поклон хозяевам дома.

После обеда по расписанию значился урок магического искусства, и полсотни учеников пятого курса колледжа маркиза де Гуяка оказались в сыром и сумрачном сводчатом подвале во власти вечно угрюмого, бледного, как пергамент, длинноволосого, хронически хриплого и неспешного профессора Карла Пепелета, бродящего между партами в своей суконной мантии с бобровым воротником:

– Я слышал, сегодня наш умнейший Омар ибн Аби Рабиа ознакомил вас с первым заклинанием силы, – прохрипел учитель, по очереди вглядываясь то в лицо Дистини Шаркови, то в лицо Родриго Батиаса, то сверля взглядом притихших в первом ряду девушек. – Это новый шаг в мастерстве,

который окажется по силам далеко не всем. К счастью для вас, со следующего курса вы сможете выбирать специализацию, и те, кто не пожелает надрывать себя концентрациями и дисциплиной мышления, смогут более не тратить своих сил на постижение дальномирия.

– Точно, так и сделаю, – шепнул соседу Надодух. – Откажусь. Зельеварение и шаманство выберу.

Профессор, как обычно, мало обращал внимание на поведение учеников и продолжал вещать заунывным голосом:

– Вы, конечно, догадываетесь, что заклинанием «имберлик» любой ваш враг способен без труда иссушить и остановить ваше сердце или запечь ваш мозг. Что же вы полагаете делать для спасения от неожиданной напасти? Правильно, правильно и еще раз правильно. Для защиты от подобных заклинаний маги используют амулеты. Каких классов существуют амулеты, мсье Тинтаголь?

– Четырех, профессор, – поднялся высокий, плечистый парень из землячества троллей. – Воздушные, жидкие, твердые и живые. Воздушные – это по большей части дымы с наложенными на них заклинаниями, жидкие делаются в основном на текучую воду, твердые буквально из всего, а живые из зверей, птиц и рыб. Наши тотемники, например, – это живые амулеты.

– Четыре балла в аттестат, мсье, – согласно кивнул профессор. – Амулеты есть суть те же заклинания, но уже произнесенные и запечатленные, и действующие, пока подпиты-

ваются силой или остаются в сохранности. Главным преимуществом амулетов является... Что, мсье Цивик?

– Амулеты изготавливаются в спокойной обстановке, – вскочил паренек, звонко и торопливо выплескивая: – При их создании заклинания произносятся более точно, подкрепляются дополнительными возможностями благодаря привлечению сил земли, воздуха, высших и низших духов или иных стихий, поддерживаются рунами с заключенными в них силами, а кроме того, амулеты можно многократно подпитывать силой, благодаря чему их сила способна значительно превысить силу, испускаемую магом в одном заклинании!

– Низшие и высшие существа не являются стихиями, – поправил ученика Карл Пепелет, – но в остальном изложено точно. Три балла. Итак, амулеты в большинстве своем являются более сильными инструментами магов, нежели простые заклинания. И в случае столкновения с боевыми заклинаниями обычно дают эффективную защиту, что привело к созданию иных, боевых амулетов. Боевые мечи, молоты, секиры, копья и даже стрелы с дротиками, применяемые людьми в войнах, являются амулетами, способными разрушать заклинания и проникать сквозь защиту... Так-так-так...

Профессор остановился, задумавшись, оправил мантию на плечах и продолжил:

– Но сегодняшней темой являются боевые защитные амулеты. Они разделяются на амулеты гасящие, отражающие и активные. Первые используются для того, чтобы рассеять на-

правленное на мага опасное воздействие, и наиболее востребованы тогда, когда чародей желает скрыть свое присутствие и способности. Вторые отражают направленные заклинания туда, откуда они пришли, поражая противника с той же силой, с какой он пытался нанести урон. Так же как и первые, отражающие амулеты не способны отличить поддерживающие заклинания от несущих вред и борются со всеми одинаково. И, наконец активные амулеты – самые сложные, но вместе с тем самые эффективные. Они способны отличить благожелательное воздействие от вредоносного, пропустить первое к владельцу и отразить второе. Причем не просто отразить удар, но и усилить его за счет разящих проклятий, заранее вложенных в оберег... Так-так-так...

Карл Пепелет остановился перед Генриеттой Вантенуа, задумчиво ее разглядывая.

– Амулеты нужно изготавливать в зависимости от фаз Луны, расположения звезд и времени дня? – почувствовав себя неудобно, предположила девушка.

– Раскройте конспекты, тема изготовления амулетов, – словно отвечая ей, невозмутимо продолжил профессор. – Для изготовления амулетов желательны пористые органические материалы, хорошо впитывающие силу, либо материалы прозрачные, при правильной огранке способные замкнуть в себе полученное воздействие. Разумеется, это не отменяет возможности использовать для создания амулетов природные камни, благородные металлы или холодное желе-

зо, однако нужно понимать, что чем плотнее избранный материал, тем меньше силы он способен впитать, и тем слабее получится оберег...

Битали торопливо записывал, пропуская лишние слова и сокращая термины, но поспеивал с трудом, хотя преподаватель в своей нудной и монотонной манере говорил довольно медленно:

– Хорошей альтернативой является совмещение в амулете пористых и твердых материалов. Костяная рукоять у стального инструмента, хорошо ограненный камень в золотой оправе или в глазницах каменной статуи хорошо помогают совместить как прикладную или декоративную функцию амулета, так и его защитные качества.

– Придется перечитывать, – недовольно пробормотал себе под нос Кро. Осмыслять советы Пепелета и одновременно записывать их у него не получалось. Радовало то, что пока профессор объяснял только самые основы: из чего лучше делать, каких материалов избегать, что сочетается хорошо, а что плохо. Может быть, на практических уроках будет проще?

По счастью, последней сегодняшней парой шло гендерное искусство, на каковом Битали по большей части отдыхал. Но в этот раз ему не повезло: тонкоусый и румяный сэр Ричард Уоллес, едва войдя в просторный тренировочный зал под кровлей северного корпуса, щелкнул пальцами и скомандовал:

– Мсье Кро и мсье Дожар, на линию!

Линия разделяла зал надвое, вытягиваясь под длинным зеленым плакатом с девизом «Сильному – слава, слабым – смирение», и обычно служила местом для проведения дуэлей. Хорошо понимая, что сейчас произойдет, Арно Дожар хищно ухмыльнулся и скинул куртку, бросив ее на руки своим прихвостням. Битали лишь расстегнул верхнюю пуговицу и вытянул учебный амулет наверх, чтобы долго не искать.

– Да-да, у меня для вас приятный сюрприз, молодые люди, – пружинящей походкой прошел вдоль заставленной оружием стены преподаватель. – Знаю, вы горите желанием друг друга зарезать. Можете сделать еще одну попытку, разрешаю. Начали!

– Держись, гусар! – в руках Арно сверкнул длинный узкий меч. Графский отпрыск несколько раз взмахнул клинком справа и слева и, закрывшись двойным сверкающим кругом, ринулся вперед. Битали выждал, пока враг приблизится на несколько шагов, вскинул руки к амулету, сжал его и выдернул бемгиши, тут же выставив один короткий стальной полумесяц вперед. Клинки со звоном столкнулись, сверкающие круги погасли – и вторым египетским ножом Кро попытался обрубить Дожару запястье. Тот, понятно, отдернул руку вместе с оружием, и Битали, пользуясь заминкой, сделал два шага вперед, скрестил полумесяцы перед собой, поймал на перекрестье выпад врага, попытавшегося пронзить его грудь, вскинул вверх, нырнул под оружие, сближа-

ьясь. Дождар отскочил, подтягивая клинок и пытаясь резануть его вдоль локтя, – но Кро был готов к такому приему, с поворотом отбил меч вправо, в широком шаге проворачиваясь вдоль руки юного графа, оказываясь совсем рядом и...

– Стоп, разойтись! – хлопнул в ладони преподаватель. – Разойтись!

– Но почему?! – хором возмутились оба бойца. – Я его даже не поцарапал!

– Потому что здесь урок, а не дуэль! – Сэр Ричард Уоллес, прищурившись, оглядел ряды учеников и резко распорядился: – Мсье Уловер, Батиас, Шаркови, Юсуфов, возьмите копья!

Вызванные молодые люди направились к стойке с оружием. Учитель мужского ремесла, как было видно, выбрал самых рослых и крепких учеников.

– Готовы? Убейте мсье Кро!

– Х-ха! – радостно воскликнул блеклоглазый Карл Уловер и первым ринулся вперед, пытаясь насадить Битали на пикку. Кро, метнувшись навстречу, принял ее на изгиб правого бемгиша, отвел, повернулся вдоль древка, вторым клинком рубанул противника по плечу, повернулся к остальным. Оставшиеся противники, плотно сбившись, наставили наконечники ему в грудь. Битали, не снижая шага, повернул клинки горизонтально и резко вскинул вверх, подбивая наконечники, а сам присел, подкатываясь под длинные древки, к беззащитным животам...

– Стоп! Разойтись! – хлопнул в ладони сэра Ричард Уоллес. – Теперь обсудим поведение мсье Кро. Что вы в нем увидели, мсье Уловер?

– Хорошо дерется, гад! – рассматривая дырку на рукаве, ответил юноша.

Защитные заклинания надежно оберегали учеников от серьезных ран, наносимых обычным, не заговоренным и не посеребренным оружием. Однако это не спасало одежду от порезов. Да и кровоточащие царапины редкостью тоже не были.

– Поверхностно, – усмехнулся преподаватель. – А вы что скажете, мсье Юсуфов?

– А чего тут скажешь? – развел руками плечистый татарин с эмблемой «ордена грифов» на лацкане. – Он лучший боец в колледже, не справиться.

– Ваше копье! – потребовал сэра Ричард Уоллес, принял оружие, взвесил в руке. – Мсье Кро, нападайте!

Битали хмыкнул, скрестил бемгиши, медленно развел, шелестя одним клинком о другой и приглядываясь к преподавателю.

Тот держал оружие без хитростей, обычным пехотным хватом: правой рукой за самый комель, левой на полразмаха выше. Не самая лучшая стойка для маневренного боя.

Юноша резко выдохнул, пошел на него. Сэр Ричард Уоллес по всем правилам попытался уколоть его в грудь. Битали так же по правилам отвел наконечник в сторону, крутанулся

вдоль него и... И взвыл от болезненного удара в бок!

Отскочив, он перевел дух, снова ринулся вперед, повторил маневр со всей возможной скоростью – и опять получил удар острием копья, но теперь в живот, и в самом конце поворота.

– Проклятье! – Битали чиркнул клинком о клинок, подбил копьё вверх, поднырнул под него и...

И от сильнейшего удара в голову у него посыпались искры из глаз. На миг потомок Темного Лорда даже, верно, потерял сознание и очнулся уже растянувшимся на полу. По залу прокатилось довольное хихиканье: позорное поражение лучшего фехтовальщика колледжа доставило немалое удовольствие менее способным завистникам.

– Достаточно! – Сэр Ричард Уоллес кинул копьё татарину. – Слушайте меня внимательно! В этой жизни вам никогда не удастся встретить врага, имеющего точно такое же оружие, как у вас. Подобного везения не бывает! Либо ваш клинок будет слишком коротким, либо слишком длинным. И вы должны уметь выжить в любой ситуации! Наш отличник мсье Кро только что наглядно вам доказал, что у копейщика или мечника почти нет шансов против бойца с ножами. А я доказал, что с ножами нападать на копейщика совершенно бесполезно. Повторю свой вопрос еще раз: кто и что увидел в манере боя Битали Кро?

– Он постоянно атакует... – неуверенно ответил Цивик и втянул голову в плечи, словно сказал глупость.

– Неправильно! – сурово отрезал преподаватель. – Мсье Кро стремится к сближению! Его оружие позволяет бой только на короткой дистанции. В его исполнении вы наблюдали технику сближения проворотом, когда длиннодревковое оружие пропускается вдоль тела, и тактику подныривания, когда острие отводится вверх. Надеюсь, вы смотрели достаточно хорошо, чтобы повторить данный прием самостоятельно. Я же продемонстрировал вам наиболее надежную контртактику: легкое отступление и поражение противника в момент броска, когда он слеп и беззащитен. Теперь самостоятельная работа! Разбейтесь на пары: один боец берет копье, другой акинак. Начинаем отрабатывать оба приема друг на друге! Мсье Уловер, Батиас, Шаркови, Юсуфов, приказа убить мсье Кро никто не отменял, по одному баллу в аттестат за каждое поражение!

– Вот проклятье! – сглотнул Битали. – А я?

– А вы лучший фехтовальщик, к вам совсем другие требования, – холодно отрезал сэр Ричард Уоллес. – Получите три балла, если за весь урок никто так и не сможет вас зацепить. Надеюсь, ваши противники не забудут о своем численном преимуществе и о возможности зайти вам за спину.

– Да что б его... – Битали оглянулся и поспешил попятиться к стене. Копейщики, восторженно взыв, ринулись в атаку, пытаясь охватить юношу с двух сторон...

Разумеется, против четырех противников Кро устоять не смог. Как ни крутился, как ни бегал, нырял и уворачивался,

за полтора часа получил с десятков порезов и несколько синяков. И вымотался вдобавок до предела.

Вернувшись в башню, Битали не стал даже чинить одежду, оставив заращивание дырок на потом, упал на постель и примерно с полчаса просто отлеживался.

– Не хочешь прогуляться? – предложил Надодух. Но как-то неуверенно, словно надеясь на отказ.

– Нет, только не сегодня... – простонал Битали.

– Если что, я в библиотеке, – обрадовался недоморф, стукнул палочкой по подоконнику и исчез.

– Удачи с Анитой, – пробормотал ему вслед Битали и закрыл глаза. – А меня до утра не кантовать.

Юноша полагал, что не сможет встать до самого утра – однако через несколько минут уже отдышался, а еще через десять валяться впустую ему стало надоедать. Поднявшись, Кро скинул одежду на стул, обернулся полотенцем и отправился в душ – смыть пот и пыль. Потом переоделся в свежую сорочку и брюки, накинул на плечи замшевую куртку и в нерешительности остановился перед шкафом. Взялся за дверцу, прикусил губу.

Учение Омара ибн Аби Рабиа по дисциплине мышления при использовании зеркал предполагало долгие тренировки, концентрацию, сосредоточение. Но когда речь шла о Франсуазе – все эти хитрости молодому человеку не требовались. Битали еще не успел ничего подумать, а воображение уже вытянуло из памяти и подробно нарисовало взъерошенную

девчонку с миндалевидными ярко-кариими глазами, тонким ртом и острым носом, украшенным на переносице двумя черными точками. Сердце часто застучало, и когда Битали отворил створку – зеркало отразило вовсе не юного чародея, а показало ее, Франсуазу: сосредоточенную, с плотно сжатыми губами и плотно собранными на затылке волосами. Смертная что-то выжидала, а за спиной девушки тянулись небольшие деревянные ящички.

Магазин! Франсуаза находилась в магазине.

Битали достал из шкафа покрывало перемещений, отошел к кровати, запахнулся в него – и оказался в низкой темной норе. Сбросив лежащее здесь парное покрывало, Кро достал волшебную палочку, направил на стену, над которой светила небольшая норка:

– Трунио!

Глиняный завал уменьшился, позволяя молодому человеку выбраться под ведущий к дебаркадеру помост. Кро обернулся, коротким заклинанием вернул стену на прежнее место, выскользнул из-под помоста и быстрым шагом стал подниматься по улицам тихого приречного городка.

Ла-Фраманс был городком древним, но совсем небольшим – размером с поместье, что раскинулось вокруг колледжа маркиза Клода де Гуяка. Десяток улиц, три квартала и два моста через реку, в долине которой, между двумя отрогами, когда-то поселились предки нынешних жителей. Магазинчик, в котором подрабатывала девушка, стоял почти в

центре – Битали добежал до него минут за десять и остановился, наблюдая, как кареглазая Франсуаза, в плотно облегающем свитере и черных брюках, собирает на прилавке разноцветные катушки ниток в вытянутый фанерный ящик.

Сердце на миг екнуло и тут же застучало часто-часто, а где-то в недрах живота появилось острое щемящее чувство, от которого, словно шипучка, побежал по всем жилам колючий холодок. Ощущение то ли болезненное, то ли приятное – но всегда желанное.

Кро уже знал, во что превращает человека это чувство – отошел к узкому газончику у стены, провел над ним рукой. Вслед за ладонью из сухого грунта ярко-красной полосой поднялись и расцвели тюльпаны. Молодой человек, опасливо оглянувшись, вытянул из амулета египетский нож, одним движением срезал растения под корень. Спрятал оружие, положил цветочную охапку на изгиб локтя. Поднялся на ступеньки, остановился за дверью.

Франсуаза, словно почувствовав, повернула голову – и беззвучно охнула, округлив глаза.

Битали улыбнулся, отступил, прислонился спиной к стене в паре шагов в стороне от низкой лесенки.

Вскоре скрипнули петли – девушка выскочила наружу и с разбега прыгнула ему на шею:

– Пришел!!! – и тут же жадно, нетерпеливо прильнула губами к его губам. Отодвинулась, обиженно стукнула кулаками по груди: – Ты куда пропал?! Столько дней тебя не было!

– Я же тебе говорил, прекрасное порождение весны. – Битали провел пальцами по ее щеке, вдоль выбившейся пряди. – Мне не только учиться нужно, приходится учебу еще и отрабатывать. Только сегодня так повезло, на весь вечер вырваться удалось.

– Ой, это мне?! – она наконец-то заметила букет. – Ого! Спасибо, милый... – Франсуаза коротко чмокнула его в губы. – Подожди, я сейчас в воду поставлю! Только не уходи!

Девушка скрылась в магазинчике, но через несколько мгновений выскочила обратно, теперь в джинсовой куртяшке и с матерчатым рюкзачком, опять прыгнула на Битали, страстно поцеловала, потом выдохнула:

– Маргарет отпустила! Так от букета обалдела, что прямо человеком стала, два рабочих часа простила. – Франсуаза поцеловала его еще раз и взяла под руку: – Куда мы пойдем?

– На твой обрыв?

– Да дождь, похоже, будет, – подняла глаза к небу девушка. – Давай лучше в кино? Там сейчас коллекция комедий идет, памяти Луи де Фюнеса. Ты знаешь, что такое кино? Или в вашей школе оно тоже под запретом?

– Ты меня совсем диким не считай, – хмыкнул Кро. – Помимо колледжа есть еще и каникулы.

– Значит, нет, – сделала вывод Франсуаза. – А телевизоры есть?

– Ты еще спроси, есть ли у нас электричество.

– А есть?

– Нет.

– Нет электричества?! – от изумления девушка даже оставилась. – Как же вы живете?!

– Да так и живем... Как в Древнем Египте жили, так и здесь обитаем.

– Да ну тебя, опять шутишь! – сообразив, засмеялась Франсуаза, махнула руками: – Так серьезно говоришь все это, что я даже поверила!

Она опять взяла юношу под локоть двумя руками, крепко прижалась к плечу:

– Смешной ты... Никогда не поймешь, всерьез говоришь или прикалываешься. Ты хоть предупреждай.

– Ты самое прекрасное существо, каких я только видел в этом мире, Франсуаза. Прекраснее цветов и рассветов, прекраснее стремительных горностаев и радужных фей-зелигенок, покровительниц садов, прекраснее весенних лугов и хрустальных горных пиков сказочного Сумера; ты желаннее ключевой воды в жаркий полдень, желаннее костра в промозглый вечер, желаннее солнца после полярной ночи...

– Если ты сейчас опять шутишь, я тебя убью... – сглотнув, пообещала девушка.

– На самом деле... – Битали запнулся. – На самом деле радужных фей-зелигенок я никогда в жизни не видел...

Ему под ребра ударил слабый девичий кулачок... После чего Франсуаза опять прижалась крепче:

– Странный ты. Иногда так говоришь, будто и вправду не

из нашего мира.

– Как нужно разговаривать, чтобы стать из вашего?

– Увидишь де Фюнеса, поймешь.

Фильм с веселым лысым коротышкой Битали и правда понравился. Но больше всего понравилось, что можно было сидеть рядом с Франсуазой, держать ее за руку, ощущать ее голову у себя на плече и время от времени целовать, глядя шелковистые волосы.

После сеанса они перебрались в кафе, благо в торгово-развлекательном центре их хватало с избытком, и пили кофе с пирожными, пока у девушки в кармане внезапно не зазвучала музыка. Франсуаза быстро вытянула небольшую глянцевую пластину, вскинула к уху:

– Да, мама... Нет, просто я зашла после работы в кино, скоро вернусь. – Она вернула пластину в карман, пожала плечами: – Прости меня, мне пора. Папа вернулся и нервничает, что меня нет. Страшно боится, что со мной что-нибудь случится.

– Телефон? – уточнил Битали, раньше видевший такие изобретения смертных только издалека.

– Телефон, – согласно кивнула Франсуаза. – И что за гад их только придумал? Всегда в самый неподходящий момент дергают.

Она протянула руки, накрыла ими ладони Битали, крепко сжала. Потом решительно допила свою чашку и доела эклер. Битали поднялся, подал ей руку, помогая встать:

– Выходит, хорошо, что у нас их нет?

– А если ты трубку с собой пронесешь, застукают? – внешне встрепелась Франсуаза. – Я хоть как-то с тобой связаться смогу!

– Боюсь, все равно работать не будет, – покачал головой Битали. – Но я попытаюсь что-то придумать.

Взявшись за руки, они вышли из торгового центра, свернули на идущую вниз улицу, а с нее повернули на проулок, уходящий в старый город, с его двухэтажными фахверковыми¹ домами и каменными заборами. Город Ла-Фраманс, уютно устроившийся в речной долине между двумя отрогами, петлял всеми своими улочками, повторяя изгибы русла, а вместе с ним петлял пустынный переулок, полностью закрывая обзор дальше, чем на полсотни шагов. Но сейчас Битали это только радовало – он повернул Франсуазу лицом к себе, взял ладонями за щеки и уже в который раз начал целовать, не в силах насытиться ее губами.

– Вы только посмотрите, кто тут! – вдруг раздался совсем рядом звонкий девичий голос.

Битали, не отпуская девушку, повернул голову, стремительно сунул руку на грудь, к амулету. Но доставать оружие он не спешил. Несмотря на ужасающий внешний вид – черные губы, разноцветные волосы, серьги в носу и на губах и

¹ Фахверковые дома – типичные европейские старинные дома, деревянный каркас и стены из смеси глины с навозом, перемешанной с соломой. Легко определяются по характерным проступающим по всему фасаду балкам и поперечинам каркаса.

огромные черные пятна вокруг глаз, – тощая, как шип акации, девица в черной кожаной куртке и обтрепанных до колен джинсах, опасности пока не представляла. Равно как и ее спутник – такой же тощий, с длинной рыжей челкой, ниспадающей на выбеленное лицо, одетый в темную рубашку и штаны, заправленные в высокие, до колен, сапоги.

– Это, значит, и есть тот тайный поклонник, в существование которого не верит никто в нашем классе?

– Привет, Франсуаза, – кивнул парень, подходя ближе, и протянул руку: – Гаспар.

– Очень приятно, Битали Кро, – отпустив амулет, юноша пожал его холодную, тоже выбеленную ладонь.

– Ух ты, какой сахарный красавчик, – пошла по кругу, словно голодная акула, страшилище, – прямо леденец, так бы и пососала! Каких краев будешь, милашка?

– Вам пересказать всю биографию, милая леди? – уточнил Битали.

– Вы слышали, он назвал меня леди! – захохотала девица. – Да еще и на «вы»! Ты с Луны свалился или от английской полиции прячешься?

– Оставь его, Юлиана, – попросила Франсуаза. – Он учится в колледже имени какого-то маркиза. У них там воспитывают настоящие хорошие манеры.

– И на кого тебя там учат, сахарный? На банкира или адвоката? – Девица ослабилась и прикусила губу с тремя серебряными сережками.

– На фокусника, – не моргнув глазом, ответил Битали.

Кро обдумал этот ответ уже давно. Ведь скрывать от смертных свое человеческое происхождение до бесконечности он не сможет. Так лучше заранее подготовить знакомых к странностям, дав объяснение, которое не вызовет удивления.

– Ты фокусник?! – в изумлении округлила глаза Франсуаза.

– Ты только отцу моему не проболтайся! – вскинув палец, предупредил Битали. – Он меня убьет.

– Фокусник? – заржала девица. – Тогда покажи чудо, циркач.

– Подними какой-нибудь предмет, – разведя руками, предложил Кро.

Юлиана жадно облизнулась, покрутила головой, увидела под стеной смятую банку из-под пива, подобрала:

– Ну, взяла. И че?

– Держи ее крепче. Как только сможешь, – предложил Битали, достал из-под куртки волшебную палочку, вскинул левую ладонь, широко раскрыл, постучал кончиком палочки под средний палец: – Смотри сюда.

Он на миг замер, сосредотачиваясь... Трехопорное заклинание. Представить предмет и линию движения, откуда и куда должно переместиться. Представить сам предмет и место, захватить, вложить силу, поместить в конечную точку.

– И-и-итребейс! – Битали вздернул палочку и тут же сжал

пальцы, лоя банку.

– А-а-а!!! – аж взвыла от изумления Юлиана. – Как ты это сделал?

– Это фокус такой, – пожал плечами Кро. – Немного тренировки, и все.

– Там, наверное, леска приклеена! – предположил Гаспар. Битали усмехнулся и протянул ему банку. Паренек жадно схватил, начал осматривать.

– Какая леска, Га?! Он же к ней даже не прикасался!

– Заранее приклеил. – Гаспар продолжал крутить банку, осматривая и обнюхивая, чуть не облизывая.

– Он же не знал, что именно я подниму! И что вообще попрошу чего-нибудь показать!

– Да точно леска, – упрямо повторил паренек и сунул банку в карман, сжимая там в кулаке: – А так достанешь?

– Итребейс! – взмахнул палочкой Битали и сжал пальцы, удерживая банку.

– Черт! Как ты это делаешь?!

– Так ведь меня этому в нашей школе учат, с утра до ночи, отключив Интернет, телефон и телевизор, – пожал плечами Битали.

И что самое забавное – он сказал смертным чистую правду!

– О-офигеть! А кошелек ты так из кармана достать можешь?

– Не могу. Это будет воровство.

– Так потом можно отдать!

– Все равно воровство. Нельзя брать чужую вещь без ведома хозяина. Ни под каким предлогом. Ты должен попросить ее, купить или вызвать хозяина на бой и отбить ее в честном поединке. Но воровать нельзя. Это позор.

– А «отбить» – это уже грабеж, – внезапно парировала вполне нормальным голосом Юлиана. – За него, между прочим, тюрьма на вдвое больший срок, чем за воровство, полагается!

– Тюрьма? За честный поединок? – не поверил своим ушам Битали.

– Ты еще дуэльный кодекс вспомни! Парень, дуэль – это умышленное убийство. Гильотина без вариантов. Франсуаза, скажи честно, твой парень провалился к нам из Средневековья?

– Давайте я вам еще один фокус покажу, свой любимый, – поняв, что почти выдал себя смертным, Кро полуобнял девушку, отступил с нею к каменному забору, над которым покачивались ветки могучей, старой, как сам забор, яблони. – Отвернитесь, сосчитайте до трех и можете повернуться снова. Только вместе. На раз-два. Р-раз...

Гаспар с Юлианой послушно отвернулись.

– Онберик! – Битали пронзил стену и нырнул в нее, за талию утягивая за собой Франсуазу. Растолкал плечами какой-то кустарник, растущий вплотную к забору, и тут же закрыл рот девушки крепким поцелуем.

– О-охреть! – послышался за забором восхищенный возглас. – Где они? Ты чего-нибудь видишь? Франсуаза-а-а!!!

Франсуаза гладила Битали по голове, целовала и отвечать не собиралась.

– Как же он это делает? Я всегда думал, что такие фокусы – это телевизионный монтаж! Может, тросы? Подъемный кран...

– Ага, Франсуаза подъемный кран тут спрятала и весь вечер нас с тобой ждала, чтобы пошутить перед сном! Ладно, пошли. Ничуть не удивлюсь, если она уже дома кровать расстилает. Однако нехилого она себе хахаля отхватила, есть за что держаться. Я поначалу думала, он не от мира сего... А он и вправду с проворотом...

Голоса удалялись и вскоре затихли.

– Теперь я понимаю, почему посаженные тобой цветы никогда не увядают... – прошептала девушка. – Тоже фокус?

– Этот фокус называется «любовь». Они будут цвести вечно, пока я жив и пока люблю тебя, Франсуаза.

– Жизнь бывает длиннее любви, Битали.

– Настоящая любовь бесконечна.

– Какой ты... – неуверенно покачала головой девушка. – Ты словно из легенды. В жизни таких парней не бывает. Может, я сплю?

– Тебя ущипнуть?

– Не нужно, разбудишь! – рассмеялась она. – Скажи луч-

ше, как мы теперь будем отсюда выбираться?

– Закрой глаза! – юный чародей обхватил Франсуазу за талию. – Онберик! Можешь открывать.

– Да ты шутишь! – закрутилась оказавшаяся на улице девушка. – Как мы сюда попали?! Как ты это делаешь?

– Фокус как фокус, – отмахнулся Битали. – Самый простенький. Я умею куда больше. Главное – отцу моему не проболтайся. Он хочет, чтобы я тоже стал военным. Узнает – голову в момент отсечет!

– Я не знаю твоего отца, Битали!

– Это пока. Но ведь я вас познакомлю.

– Надеюсь, – девушка взяла его под локоть. – Кто бы мог подумать: фокусник!

Ее карман снова запел. Франсуаза вздохнула, сунула руку в карман:

– Мама, я уже подхожу... Скажи ему, что я была на работе. Я подрабатываю после школы. Он что, забыл? Я уже подхожу, через две минуты буду дома.

Она убрала телефон в карман, подняла глаза на молодого человека.

– Я побегу, папа беспокоится. Уже поздно.

– Так я провожу!

– Если бежать, это будет уже не так романтично, мой принц.

– Я не принц, я Лорд.

Франсуаза звонко расхохоталась, покачала головой:

– Ты меня постоянно удивляешь. Скажи, это тоже будет длиться бесконечно?

– Да.

Девушка вздохнула, закинула руки ему за шею и вдруг сказала:

– Я люблю тебя, Битали Кро. Надеюсь, моя любовь тоже будет вечной...

Франсуаза быстро поцеловала его, отпрянула и со всех ног помчалась по переулку.

Битали быстрым шагом пошел следом, постепенно отставая. До следующего перекрестка дошел всего на десяток мгновений позже девушки, проводил взглядом, как она бежит к мигающему светофору, повернул следом и уже от светофора увидел, как она влетает в калитку своего двора. Прежде чем исчезнуть, Франсуаза оглянулась и помахала ему рукой.

Спустя четверть часа покрывало, лежащее на полу комнаты в башне Кролика, вдруг поднялось, обретя контур человека, – и тут же опало, соскальзывая с прибывшего молодого человека. Битали подобрал его с пола, аккуратно сложил и отнес в шкаф.

– Нагулялся? – зевнув, спросил с постели недоморф.

– Нет. Но компания разбежалась, – зевнул, раздеваясь, Битали. Он расправил брюки, чтобы повесить на перекладину, и из кармана выскользнули три радужные бумажки: деньги смертных. Совсем мало, всего на пару порций морожено-

го. Кро задумался, потом спросил: – Надодух, ты не знаешь, где можно взять такие вот фантики для расплаты со смертными?

– Да кому они нужны? – пожал плечами тот. – Тем более здесь, в колледже?

– Здесь не нужны, – согласился Битали, закрывая створку. – Но если прогуляться за пределы...

– Я такие прогулки устраиваю не очень часто, дружище, – красноречиво провел по густой шерсти ладонями полуоборотень. – Так что поищи другого советчика. Только не понимаю, зачем он тебе, мир смертных?

– Любопытно, – раздевшись полностью, вытянулся на своей постели Битали. – У них ведь все иначе, не так, как у нас. Вот ты знаешь, что у них даже честная дуэль считается убийством?

– А ты что, об этом не слышал? – изумился Надодух. – У них и дуэли, и войны, даже драки простые, и то запрещены. За это могут поймать и наказать. У них в школах не учат сражаться, у них нет кланов с армиями, у них... Короче, они просто живут, как придется, ни о чем не беспокоясь, и все. Веселятся, работают, праздники всеобщие устраивают... Безобидные, беззаботные существа. Им повезло, что люди взяли их под свою опеку, оберегают от бед, управляют ими.

– Как это «управляют»? – не понял Битали. – Нам ведь запрещено посвящать смертных в свое существование!

– Примерно так, как моя мама. Она ведь по документам смертных считается владелицей нашего замка и числится руководителем музея. Плюс всегда может напустить порчу или покопаться у смертных в чувствах и памяти, и несколько счетов в банке тоже на ней. Когда сочетаешь и то, и другое и третье, легко заставить смертных всегда делать то, что нужно нам, а не им. Причем они будут считать, что сами так решили. Сейчас, например, они наш замок восстанавливают, бросив все прочие дела. Все благотворительные организации, где мама числилась, это оплачивают, муниципалитет казну открыл, строительные конторы технику и рабочих бесплатно прислали. Все считают, что спасают свою историческую память. И ни у кого из них нет никаких сомнений, что это их собственная тревога и искренние эмоции. Думаю, уже летом мы сможем туда вернуться – никаких следов сражения не останется.

– Как смертные могут восстановить этажи, которые не видят? – не понял Битали. – Которые вы всегда скрываете от них мороком?

– Элементарно, – пожал плечами недоморф. – Сперва строят, потом забудут. Вернем морок на место, и все. Ты прямо как не от мира сего, дружище! Простейших вещей не понимаешь.

– Третий раз сегодня это слышу, – усмехнулся Битали. – Ты не забывай, Сенусерт из рода чатиев, что я воспитан в семье простого наемника и умению править не обучался. В

съемных домах и гостиницах это как-то не требовалось. Платить нужно было вовремя, вот и все хитрости.

– Извини, не хотел обидеть, – зевнул родовитый маг Надодух Сенусерт. – Рода людей древние, куда древнее смертных фамилий. Почти везде у нас есть те, кто считается местными наследными богачами, знатью, политиками. Эти знатные маги смертными и управляют, никак своего происхождения не выдавая. Ладно, давай спать. Меня сегодня Анита умучила, аж голова плавится. Завтра много интересного расскажет.

Шкура быка

Новый день начинался со сдвоенной пары общей истории, и сразу после завтрака Битали вместе с друзьями отправился по начинающейся рядом с башней Кролика винтовой лестнице вниз, глубоко-глубоко под землю. Насколько далеко в недрах находилась просторная пещера Арнольда Гроссера, понять было трудно – однако лестница делала не меньше тридцати витков, прежде чем на стене появлялось большое темное пятно, рыхлое от непрерывного тыканья палочками.

– Онберик! Онберик! Онберик! – один за другим вошли ученики в просторную пещеру, ныне яркую от ослепительного солнца над головой и желтого песка под ногами.

Все это, разумеется, был самый обычный морок, не способный к тому же справиться с подземным холодом, – и посреди призрачной пустыни было довольно зябко.

Не скрывали пологие дюны и места преподавателя: дивана, нескольких книжных шкафов вокруг и цепи, что тянулась от матового железного кольца на шее историка к парящей у него над головой решетке. Тяжелая цепь резко контрастировала с хорошим костюмом и лакированными туфлями коротко стриженного, гладко выбритого мужчины лет сорока, если мерить жизнями смертных. Цепной Гроссер, развалившись на диване, просматривал какой-то фолиант, совершенно не обращая внимания на прибывающих и прибыва-

ющих учеников, не без труда выискивающих среди песков плохо различимые стулья.

– Начнем! – внезапно захлопнул фолиант историк, и в тот же миг пустыня исчезла, открыв глазам всю неприглядность его каземата: влажные глинистые стены, серый пол, низкий потолок. Единственным опрятным местом был круг под решеткой. Ровно на ту длину, на каковую позволяла перемещаться Гроссеру его цепь.

Видимо, истинный вид подземелья покорибил и самого преподавателя. Он щелкнул пальцами, превратив потолок в обычное пасмурное небо, и спросил:

– Кто из вас, молодые люди, может сказать, какое отношение имеют к людям населяющие нашу планету многочисленные смертные?

– Я могу! – встрепенулся Ларак, вскочил: – Люди, которые не развивали своих врожденных способностей, постепенно деградировали и утратили дар повелевать силой и следить за своей плотью, из-за чего срок их жизни сократился менее чем до ста лет, и именно поэтому их стали называть смертными. В дальнейшем смертные, которые ленились следить за собой и развивать разум, деградировали в обезьян. А кто не ленился, удержался на уровне смертных. Вот...

– Ушам не верю! Кролик Ларак наконец запомнил первый урок первого курса! – громко восхитился Арно Дожар, и по классу пробежал смешок.

– Ты сам-то хоть это усвоил?! – моментально вскинулся

Битали, вступаясь за своего друга.

– А ну, замолчите оба! – повысил голос цепной Гроссер. – Что до вас, мсье Ларак, то ответ вы дали совершенно правильный, однако, увы, он относится скорее к области биологии, нежели истории, и потому поощрить я вас никак не могу. Садитесь.

Паренек, недовольно нахмурившись, опустил на стул, а преподаватель, заведя цепь назад, за затылок, продолжил:

– С точки зрения истории до Первого Пророчества контактов со смертными у нас практически не было.

– Мы возвращаемся к первому курсу, мсье Гроссер? – спросил с задней парты курчавый Лоран.

– И вернемся еще не раз! – ответил ему преподаватель. – История мира не есть прямой столб, это ветвистое дерево, и, чтобы познать его, приходится раз за разом возвращаться к стволу и переходить на очередное ответвление. Мы с вами выучили историю родов и историю пророчеств, происхождение магических школ и основание культур. Ныне пора узнать историю взаимоотношения людей и смертных. Какие у нас есть свидетельства первого появления людей, мсье Лоран?

– Мегалиты!

– Лаконично, – чуть скривился историк. – Но правильно. Один балл. Начало человеческой истории неразрывно связано с первыми строениями на земле. Там, где мы родились: на севере. Возможно, именно суровый тамошний климат и выковал крепкий характер человеческого рода и побудил его

к освоению силы. Слабые ушли, чтобы нежиться в тепле и безопасности, и растратили свои способности. Сильные вступили в схватку с природой и одержали победу...

Преподаватель вскинул палец к виску, подумал, и стены подземелья сперва подернулись туманом, а затем за ними проступили полуразвалившиеся строения из огромных каменных плит.

– Не станем кривить душой, первые из жилищ выглядели весьма коряво, – признал историк. – Оно и понятно. Если сложить дом из небольших камешков, показавшихся ровными, и с помощью «трунио» увеличить их в сотни раз, то незаметные глазу мелкие сколы и неровности превращаются в огромные выбоины и изломы, как нежный женский носик под увеличительным стеклом обращается в скопище нор и складок.

– А почему обязательно «женский»? – не выдержала дискриминации Генриетта.

– Потому что мужские таковы и без всякой лупы, – невозмутимо ответил цепной Гроссер, вызвав волну смеха, и без всякого перерыва продолжил: – Похоже, в те времена люди еще владели своей силой достаточно уверенно и не могли выполнять с ее помощью тонких работ. Однако дома получались крепкими, давали надежное укрытие – большего же от них и не требовалось. Прочный каркас всегда можно обшить или укрыть материалами попроще. Прочность же конструкций оказалась такова, что они благополучно стоят по

сей день, в том числе и аллеи молодых родов, и первые школы, и даже могильники основателей. Скопления мегалитов очень надежно демонстрируют нам границы расселения людей до Первого Пророчества. Где они находятся, нам напомнит мсье Цивик.

Паренек поднялся и начал перечислять, для уверенности загибая пальцы:

– Острова Ледовитого океана, побережье континента у входа в Белое море, северное побережье Европы...

Историк хоть и обещал «перейти на новую ветку», однако не удержался и почти два часа гонял учеников по теме первых человеческих родов, расположению «аллей», на которых отделяющиеся семьи в память об этом событии ставили свой мегалит с именем нового рода, первых обсерваторий и школ, после чего наконец-то изменил морок, продемонстрировав ровные стены из плотно пригнанных огромных валунов.

– Уход в новые земли, переселение, необходимость возводить новые жилища продемонстрировало нам невероятно возросшее мастерство строителей, – продолжил преподаватель. – В Элладе и Анатолии мы уже не видим грубых, уродливых плит. Все валуны подогнаны один к другому так, что нож в щель просунуть невозможно! Понятно, что теперь камни увеличивались не в виде постройки целиком, а укладывались по одному. Увеличиваясь после заклинания «трунио», валуны заполняли все свободное пространство, прочно смыкаясь с соседними. Аналогичную технику строитель-

ства после великого расселения унесли роды, ушедшие за океан, где она продержалась намного дольше.

Гроссер опять поправил цепь, сдвинув вбок, и продолжил:

– В южных землях люди впервые столкнулись со смертными, переселившись сюда намного ранее. Или, точнее, столкнулись с большим количеством смертных. Очень скоро выяснилось, что эти существа достаточно развиты, чтобы выполнять ряд работ вместо людей: выращивать нам пищу, строить дома... Чем определяется эпоха приобщения смертных к служению людям, мадемуазель Горамник?

– Падением строительного мастерства! – без запинки отчеканила отличница. – Постройки из массивных валунов, заполняющих в кладке все свободное пространство, исчезли. Управляться с ними смертным было не под силу, и они стали возводить сооружения из небольших камней, скрепляя их раствором!

– Три балла! – похвалил ее цепной Гроссер. – Таким образом у нас появился надежный маркер, отделяющий эпоху самостоятельной человеческой цивилизации от момента приобщения смертных к служению людям... На чем мы сегодня и остановимся, дабы вы не остались голодными. Благодарю за внимание, можете идти обедать.

Ученики встрепнулись и рванули к выходу – во время обеда в столовой и так всегда царило столпотворение, а тут еще и по лестнице вверх по крутым высоким ступеням ми-

нимум на четыре арпана² подниматься нужно, после чего ноги натурально трястись начинают. Одними из первых на выход бодро рванули Дубус с Лараком – и невезучий Цивик, конечно же, следом. Никто из троицы не удосужился оглянуться на главу братства и поинтересоваться его желаниями.

Вскоре в подземелье стало тихо и сумеречно. Цепной Гроссер, позвякивая своими многовековыми узами, убрал морок, встал и потянулся, посмотрел на Генриетту:

– Я вижу, компания друзей снова решила задержаться после уроков. Полагаю, я опять услышу что-то интересное? Давайте, молодые люди, начинайте. В моем положении любое разнообразие всегда в радость. Скажите мне что-нибудь новенькое.

– Вы знали Великого Чохару, мсье Гроссер? – встала со стула Анита Горамник.

– Разумеется, знал, – не без удивления развел руками историк. – Ведь он тоже был одним из ближайших друзей Мага Двух Драконов! Ну, или Темного Лорда, как вы привыкли его называть. И, конечно же, он был и моим другом тоже. Храбрый воин, умелый маг, образованнейший человек даже по современным меркам! Прозвище «великий» дается недаром, мадемуазель. Особенно когда находишься рядом с таким могучим чародеем, как Эдриджун, Темный Лорд, победитель сильнейших колдунов мира. Великий Чохара был достойнейшим человеком из достойных!

² Арпан – французская мера длины, примерно 60 метров.

– Не считая того, что служил кровожадному Темному Лорду, – не преминула вставить Генриетта.

– И прекрасно служил! – даже глазом не моргнул Арнольд Гроссер. – А что до кровожадности, так ведь это война, мадемуазель. И убивал Чохара отнюдь не беззащитных детей и женщин, а умелых, хорошо вооруженных воинов. Так что его «кровоавость» полностью соответствует его ратной доблести.

– А маркиз Клод де Гуяк хорошо знал Великого Чохару? – продолжила расспросы Анита.

– Разумеется! Ведь маркиз тоже был близким соратником Эдриджуна, другом детства, левой рукой Темного Лорда.

– А кто был правой?

– Я, разумеется, – добродушно улыбнулся цепной Гроссер.

– Мы знаем, что Великий Чохара очень хотел стать директором колледжа маркиза де Гуяка, – в голосе Аниты Горамник появилась неожиданная вкрадчивость. – И даже сражался за это место с нашим добрым и мудрым профессором Артуром Бронте... Вы не подскажете, мсье Гроссер, как могло получиться так, что он стал кричащим черепом?

– Он очень хотел стать директором и после гибели...

– Простите, мсье, – вскинула палец Анита, – но все справочники по магии и природному колдовству в один голос утверждают, что кричащие черепа всегда требуют себе место в родных домах! Они не желают покидать родного крова... И иных случаев их возникновения нигде и никогда не описано.

– Ты молодец, девочка, – медленно похлопал в ладони историк. – Ты меня поймала. Перехитрила косвенными, далекими от темы вопросами.

– Так как Великий Чохара стал кричащим черепом?

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– Великий Чохара ушел в мир духов? – вся напряглась Анита Горамник.

– Он умер, – согласился цепной Гроссер. – Обычно в таких случаях говорят, что человек ушел в мир духов. Ведь мы можем вызвать его дух, пообщаться с ним. Да и сам дух умершего нередко любит пошалить.

– Великий Чохара ушел в мир духов, но череп его остался профессору Бронте, – продолжила девушка. – Равно как останки профессора Налоби. Умерших обычно хоронят, даже если они люди, даже если они самые великие и могучие маги. Кто-нибудь видел маркиза де Гуйака мертвым, мсье Гроссер?

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– Так, может, он жив?

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– Темный Лорд тоже жив?

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– А Озерная Леди? Та женщина, в которую до безумия влюбился Темный Лорд... Она тоже жива?

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– Так, может, Эдриджун все же нашел свою любимую? И

они сейчас вместе там, в том неведомом мире, который даже Маг Двух Драконов не сразу смог найти за многие-многие годы! Может статься, маркиз де Гуяк тоже смог разгадать эту загадку и отправился вслед за ними?

– Я не могу ответить на этот вопрос, мадемуазель Горамник, – с улыбкой покачал головой историк.

– Они попали в ловушку и не могут из нее выбраться?

– Я не могу ответить на этот вопрос, – не сел, а буквально упал на диван преподаватель. – Но просто обязан оценить вашу великолепную работу с документами, мадемуазель Горамник. Даю вам высшую доступную мне оценку: десять баллов в аттестат! Вы очень умны, несмотря на юный возраст. Будет очень жаль, если вы тоже умрете.

– Что вы сказали? – осекшись, побледнела Анита.

– Не стоит уточнять, – покачал головой цепной Гроссер. – Я все равно не смогу ответить на ваши вопросы.

– Рано или поздно умирают все, – невозмутимо пожала плечами Генриетта.

– Но никто почему-то не торопится, – подергал идущую к решетке цепь историк.

– Скажите, мсье Гроссер, – покосился на тощую девицу Надодух. – А ваше предсказание о предательстве уже исполнилось?

– То, что с вами случилось, мсье Сенусерт, – это еще не предательство, – покачал головой преподаватель. – Так, мелкие неурядицы. И перестаньте оглядываться на своих това-

рищей. Очень может случиться так, что предателем окажется именно вы.

– Я?! – от возмущения у недоморфа даже шерсть встала дыбом. – Да я за Битали в любую сечу пойду без колебаний!

– Вы забыли мое пророчество? – скривился цепной Гроссер. – Предаст тот, в ком не будет сомнений. В мадемуазель Генриетте, как я заметил, вы сомневаетесь? Коли так, то как раз она вне подозрений.

– Д-да! – моментально развеселилась Вантенуа, вскочила, подошла сзади к Битали, обняла, шепнула на ухо: – Ты слышал, мой господин? Доверять можно только мне, одной-единственной!

– Сколько лет вы напророчите мне, мсье Гроссер? – блеклым голосом спросила Анита.

– Ну, скажем так, – зажмурился историк, тихонько повыл, покачал головой и, вскинув руки с широко растопыренными пальцами, утробным голосом произнес: – Коли в пять лет твоих ближайших не прервется нить жизни твоей, прекрасная дева, то век твой окажется равным пяти моим счастливым!

– Что ты сказал?! – взревел недоморф, кидаясь вперед. – Да я тебя...

– Ку-уда... – успела вцепиться в его густой загривок хрупкая Анита.

Сильный Надодух проволока ее пару шагов, после чего отличница исхитрилась перехватить его за ухо и чатия Сену-

серт заскулил, остановился.

Битали, вырвавшись из объятий Генриетты, тоже подско-
чил к другу, крепко схватил под руку:

– Спасибо большое, мсье Гроссер! Мы пойдем. А то обед короткий.

– Благодарю вас, мсье Гроссер! – кивнула Анита и что-то прошипела Надодуху в самое ухо.

– До свидания, мсье Гроссер, – злобно оскалился тот.

Отличница отпустила своего поклонника только на лестнице, когда они вышли из каземата историка, – и недоморф тут же рывкнул, потирая ухо:

– Ты с ума сошла, Анита?! Он же только что назвал меня предателем, а тебе смерть в ближайшие годы пообещал!

– Это ты с ума сошел! Он нас предупреждает! Не пугает, а пре-ду-пре-ждает! Пытается помочь, как только может.

– Ага, сейчас! На все вопросы только один ответ: «Не могу ответить», – прогнусавил Надодух, пытаясь передразнить историка.

– А ты много постороннему про него рассказать можешь? – ткнула пальцем в Битали отличница. – Клятву Осириса уже забыть успел? А она про тебя не забыла! Попытаешься лишнее сболтнуть, язык отнимется. А обмануть захочешь, так она тебя и вовсе убьет! Так испепелит, что никакой тотемник оживить не сможет.

– Когда это было, с клятвой-то? – понизил тон недоморф. – Полгода уже прошло. Слушай, Анита, ты ногти бы

постригла, а? Тебе ведь по деревьям лазить не надо. Зачем они тебе?

– Ты, любимый мой, без коготков не всегда советы мои понимаешь, – ласково погладила его по щеке девушка.

– Так чего вам рассказал Гроссер, любовнички? – присела на высокую ступень Генриетта. – Я, если честно, половины не поняла.

– А чего тут не понимать? – как ни странно, первым ответил Надодух. – Коли клятва мешала Гроссеру отвечать, значит, все вопросы пришли в точку.

– Он не ответил ни «да», ни «нет».

– Но он похвалил Аниту за работу с текстами! Это считай, что «да»!

– Да хоть бы и так, – пожала плечами щуплая девушка. – Он подтвердил, что Озерная Леди, Темный Лорд и маркиз де Гуяк живы. Ну и что? Весь свет знает о мифическом Шестом Пророчестве о возвращении Темного Лорда. Все его отрицают, все его знают. Цепной Гроссер подтвердил эту легенду еще раз. Ну и что? Пошли лучше обедать!

Она поднялась и быстро зашагала вверх по лестнице. Друзья двинулись следом, но Анита громко сказала им в спины:

– Если все они попали в ловушку, то мы можем попытаться их выручить!

Генриетта остановилась, оглянулась:

– А ты и вправду с ума сошла, мадемуазель Горамник! Неужели действительно хочешь вернуть из мира духов Тем-

ного Лорда? Это же равносильно уничтожению всего человечества! По колено в крови человеческой ходить придется, пока самих не зарежут. Забыла, кто это такой?

Отличница прикусила губу, задумавшись. С надеждой посмотрела на Битали. Кро помялся, не зная, чем ее можно поддержать, и сказал:

– Думаю, если даже сам великий маркиз де Гуяк не смог вытащить Эдриджуна и его любимую, то нам и вовсе туда соваться не стоит. Он ведь пошел за Темным Лордом, чтобы его спасти, правильно? Что смогут сделать пятикурсники там, где сгинул величайший из чародеев?

– Помни о предсказании Гроссера, Анита, – добавила Генриетта Вантенуа. – Будешь жить долго и счастливо, если в ближайшие годы глупостей не наделаешь. Соваться по пути Темного Лорда... Если бы там только маркиз погиб! Сам Эдриджун и Озерная Леди тоже магами были, не чета пятикурсникам. А может, и иные сторонники туда же отправились. Просто мы про них ничего не знаем, ибо обратной дороги из мира духов нет. Так что...

Девушка решительно двинулась вверх по ступеням.

– Но ведь пророчество о его возвращении существует?

– Это не пророчество, это его обещание, – ответила, не замедляя шага, Генриетта. – Он надеялся, но не смог.

– Пророчество Шестое... А еще... Не исполнилось пятое... – после двух витков лестницы у Аниты сбилось дыхание, ей стало не до разговора.

Вантенуа не ответила. Наверное, тоже запыхалась.

Пообедав, Битали с соседом поднялись к себе за конспектами по магическому искусству. Забирая из стопки тетрадь обычную, Кро заметил, что почтовая тетрадь уползла из своего угла почти до края полки, и потянул ее к себе, открыл:

«Как ты там, сын? – твердый отцовский почерк отличался от наклонного маминого, как скала от луговой травы. – Давно не пишешь. Мы ненадолго должны отъехать в Перу. До каникул надеюсь вернуться, но может случиться и накладка. Тогда тебя матери встречать придется. Надеюсь, не обидишься? Освобожусь, отдохнем по-настоящему».

Битали сел к столу, взялся за перо:

«Не поверишь, пап, но я на профессорской должности оказался, можешь гордиться. Правда, времени свободного мало стало, вот и не успеваю. Мне, между прочим, уже давно пятнадцать, так что я могу не с мамой тебя дожидаться, а с работой помочь. У нас скоро зачеты начнутся, боюсь, опять не до писем будет. Так что не беспокойся. Все сдам – отпишусь. – Битали отложил перо, пробежал письмо глазами и спохватился: – Пап, подскажи, а где можно взять фантики, которыми смертные вместо денег пользуются? У меня все кончились».

Закрыв тетрадь, он бросил ее на полку, обернулся к недоморфу:

– Пошли?

– Рано еще, – зевнул тот, ваяясь на постели. – Можно

покемарить с четверть часа. После обеда полезно, чтобы жирок завязался.

– Да я и так сегодня выпался неплохо. Ворон твой не прилетал, Великий Чохара тоже не беспокоил... – Кро запнулся, вспомнив надоедливый кричащий череп, и спросил: – Слушай, а чего там Анита про него у Гроссера выпрашивала?

– Да там как раз все ясно, – недоморф зевнул снова. – Профессор Бронте всегда утверждал, что Чохара хотел занять его место. А раз Чохара кричит, когда череп уносят из кабинета, то выходит, что он жил там еще до нашего директора. Поскольку Чохара друг маркиза, то так, скорей всего, и есть. Наверняка вместе сюда переселились, когда баронесса покровительства запросила.

– И что?

– А ничего, – покачал головой недоморф. – Анита свои пыльные справочники листает и несовпадения выписывает. Кто-то пропал, а все считают, что умер. Кто-то местный, а все считают завоевателем. Кто-то за Темного Лорда дрался, а все считают, что против. А кто-то наоборот. Вот скажи, какая теперь разница, даровал Эдриджун графский титул предкам Арно Дожара семьсот лет назад или нет? Можно подумать, этот хлыщ после сего известия начнет с тобой хотя бы здороваться!

– Я даровал титул Дожарам? – вскинул брови Битали. – И правда смешно!

– Еще смешнее то, что они поклялись в преданной службе

тебе и твоим потомкам за себя и своих детей... – Надодух рывком сел и сплюнул: – Совсем ты мне голову заморочил! Не тебе, естественно, поклялись, а Эдриджуну! Тому, древнему, настоящему Лорду. И его детям.

– То есть мне?

– Отстань, без тебя запутался, – отмахнулся недоморф. – Уж лучше Пепелета слушать. Он убаюкивает. Уговорил, пошли.

На уроке профессор Карл Пепелет долго, нудно и однообразно диктовал свойства различных материалов по пористости и годности для изготовления амулетов. Битали, записывая, то и дело клевал носом – Надодух же, при его безразличии к конспектам, и в самом деле задремал, уткнувшись носом в страницы. Спасибо хоть не храпел.

Правда, на занятиях мадам Эджени Кардо все переменялось с точностью до наоборот: недоморф, увлекшийся выведением трав и деревьев, старательно строчил, записывая сроки сбора цветов в зависимости от фазы Луны, времени дня и сезона и целей будущего зелья, а Битали откровенно скучал, не находя ничего интересного в этом бабьем колдовстве, культурно обозначенном в программе колледжа как «природное чародейство».

По счастью, мучениям длиться было недолго: после окончания пятого курса ученики выбирали себе специализацию, и на завершающие два года колдовскую программу Кро собирался для себя вычеркнуть. Дальномирие, магия, демоно-

логия и гендерное искусство – вот его конек. Мастерство, которое опирается на собственную силу чародея, а не всякого рода заговоры, призывающие лунный свет, текучую воду и собранные следы, сдобренные порошками чабреца или шерстью дохлой мыши. Не дело настоящего воина травки-муравки скрючившись собирать. Мужчина должен разить мечом, а не узелки с заговорами завязывать!

После урока Эджени Кардо друзья опять потратили больше двух часов на кормление домовых, гномов и эльфов, сами же на ужин попали одними из последних. День уже катился к закату, а еще требовалось сделать хоть что-то из уроков и попытаться расшифровать конспект по магическому искусству, пока бормотание Карла Пепелета окончательно не выветрилось из памяти.

Надоух и Анита незаметно исчезли. Надо думать – уединились на созданной недоморфом среди диких кустарников поляне из роз, цветников и ивовых кресел. Так что в башню Битали вернулся один. Полез в шкаф и увидел, что почтовая тетрадь опять ползает по полке. Юноша достал ее, открыл:

«Твое предложение меня порадовало, сын, однако мама считает тебя слишком маленьким. С трудом уговорил ее считать тебя взрослым только через два года. Уж потерпи немного. Потом отыграемся. По твоей просьбе: зайди к Ричарду Уоллесу. Я его предупредил. От мамы привет. Как покончишь с зачетами, пиши».

– Ага, – обрадовался Битали. – Ну, тогда пока не пере-

оделся...

Он стукнул палочкой по подоконнику, выскочил из-под лап сфинкса, промчался по коридорам и уже через несколько минут вошел в гулкий и полутемный зал наверху северного корпуса. Здесь юноша задумался. Где именно находятся комнаты преподавателя гендерного искусства, он не знал. Профессура колледжа жила отдельно от учеников и приглашала к себе крайне редко.

– Сэр Уоллес! – громко позвал потомок Темного Лорда в надежде на то, что какая-то связь у преподавателя с его залом имеется.

Эхо загуляло от стены к стене, заставив выставленное в стойках оружие слегка загудеть, и наверху послышался скрип:

– Чего орешь как недорезанный? – спросили из-под конька. – Иди сюда!

Битали в задумчивости огляделся. Пути наверх юноша не видел, однако прикинул, что если равномерно увеличить верхнюю перекладину стойки...

– Только без глупостей! – предупредили сверху. – Мне тут завалов из топоров размером со слона и проросших древков не надобно. Ручками залезай, ручками...

Из-под потолка упала тонкая веревочная лестница.

Комната преподавателя больше всего напоминала лодочную каюту: узкая, всего в четыре-пять шагов, но непропорционально длинная, сужающаяся кверху, с рядом небольших

окошек под потолком. Все было обшито коричневой жженой рейкой, под стенами стояло несколько таких же темных деревянных сундуков, окованных железом. В самом дальнем конце жилища имелся лежак от стены до стены, несколько гвоздей заменяли одежный шкаф, обувь лежала просто на полу. Из мебели здесь имелись только стол и несколько табуретов. Разумеется, тоже деревянных, нарочито грубо сколоченных из неструганных досок.

Или для сэра Ричарда Уоллеса это было нормально и привычно? Может, он пользуется всем этим уже несколько веков и не видит смысла в переменах?

Сам преподаватель сидел босой, но в шелковой сорочке и плотно облегающих лосинах, привалившись к стене и закинув ноги на второй табурет. На столе стояла стеклянная бутылка и полупустой бокал. Судя по запаху – и в бутылке, и в бокале было вино. Причем употреблял его именно хозяин «каюты».

– Вы пьете алкоголь? – не смог сдержать удивления Битали.

– А что тебя так удивляет, приятель?! – расхохотался учитель. – Да, это алкоголь, и я его пью. Хочешь, могу налить и тебе?

Преподаватель щелкнул пальцами, и на столе появился второй бокал.

– Но ведь вино снижает концентрацию, убивает способность к рациональному мышлению и снижает реакцию...

– Кто тебе это сказал, малыш? – Сэр Уоллес, словно демонстративно, осушил бокал и наполнил его снова.

– Все учителя говорят!

– А ты им веришь, малыш? – расхохотался преподаватель. – Напрасно, напрасно. Все здешние учителя хотят тебя убить! Так что я бы советовал тебе относиться к их советам со здоровым скепсисом. И да, я тоже согласен тебя прикончить. Так что мои советы относятся к той же категории.

– Убить меня? – По спине Битали пополз неприятный холодок. Теперь он понял, что испытала сегодня Анита Горамник, услышав предсказание цепного Гроссера. – Почему?

Сэр Ричард Уоллес укоризненно поцокал языком и покачал головой. Вскинул палец, поводит им в воздухе и, наконец, указал на один из сундуков:

– Ты забываешь, что я один из верховных магистров ордена Пяти Пророчеств. И прекрасно знаю, кто ты такой. Убить Темного Лорда есть мечта каждого честного чародея! Но мне с этим никогда не везет... Да, кстати, раз уж ты пришел. Хочу сказать, мсье Кро, что вы опять будете сдавать зачет по гендерному искусству в индивидуальном порядке. Но на этот раз со всей своей компанией... – преподаватель пьяно рассмеялся.

– Какое будет задание, сэр Ричард Уоллес?

– Очень простое. Если доживете до осени, то зачет сдан, – преподаватель снова рассмеялся и сделал несколько больших глотков.

– Вы хотите сказать, сэр Ричард Уоллес, что алкоголь не так уж и вреден? – попытался сменить неприятную тему Битали.

– Бокал хорошего красного вина перед поединком хорошо взбодрит тебя, малыш, улучшит реакцию и остудит рассудок. Второй притупит реакцию обратно, третий вызовет сонливость, после четвертого можешь считать себя трупом. Я как раз собираюсь приступить к четвертой бутылке, – скривившись, гыкнул преподаватель. – Но, с другой стороны, сегодня я ни с кем драться не собираюсь.

– Отец написал мне... – начал было Битали, но сэр Уоллес предупреждающе вскинул палец, поднялся с табурета и, покачиваясь, побрел по комнате:

– Прости... Совсем забыл... Третья бутылка, чего уж там? – Он открыл один из сундуков, достал шкатулку, откинул крышку, запустил руку в сложенные рыхлой стопкой цветастые бумажки, хватанул пачку в два пальца толщиной, подбросил в воздух: – Леви!

Пьяный – не пьяный был тренер боевых искусств, однако юноша так и не смог уловить момент, когда и откуда учитель выхватил палочку, чтобы заклинанием перенести стопку денег на стол.

– Судя по тому, что тебе понадобились фантики смертных, малыш, ты регулярно нарушаешь режим, – опустил крышку сундука сэр Уоллес. – Как преподаватель я просто обязан донести об этом директору. Однако как старый друг

Гаэтано Кро я должен выручать его сына из неприятностей. Посему, Битали, будем считать, что об этих бумажках я ничего не знаю. – Учитель бухнулся обратно на табурет, потянулся к вину. – Но если ты попадешься мне за самим нарушением... То не обижайся.

– Вы старый друг моего отца, сэр Ричард Уоллес? – забрал деньги мертвых Битали.

– А он ничего не рассказывал? – преподаватель налил еще вина и откинулся спиной на стену. – Еще какой старый! Мы познакомились спустя полтора века после Большой Войны, в Танджоре.

– Это который в Индии? – уточнил Битали.

– Он самый, – согласно кивнул преподаватель. – Жил там, как сейчас помню, раджа Ханум. Великий был раджа и могучий. В меру, разумеется, ибо Хартия Свободных, во избежание новой Большой Войны, запрещает кланы числом более ста одного мага. После сего рубежа любой род, братство или орден обязаны разделиться или избавиться от лишних людей...

– Я помню, – кивнул юноша. – Во всех школах этому с первого курса учат.

– У раджи Ханума было в услужении ровно сто колдунов. И сам он был сто первым. А вот у его соседа, лесного чародея Суидея, таковых сотоварищей имелось всего десятка полтора. И красивая жена. Не то чтобы совсем уж невероятная, но радже Хануму понравилась. А раз понравилась, то собрал он

своих людей, вошел в джунгли Суидея, разогнал его слуг, захватил дом и наслаждался женой этой столько, сколько ему хотелось, пока не пресытился. Ты ведь помнишь девиз нашего колледжа? «Сильному – слава, слабым – смирение». Суидей был слаб, и его долей стало смирение. Поругание своей жены он обязан был принять с покорностью и почтением. Радоваться тому, что милостью сильного остался жив сам и жены вовсе не лишился.

– И Суидей смирился? – Битали вспомнил Франсуазу, и душа его заледенела. – Это было бесчестно! Так поступать нельзя!

– Справедливость – это предрассудки низших духов, малыш! – расхохотался преподаватель. – В мире людей правит сила, и только сила.

– Я бы убил раджу! Сам сдох, но убил!

– Это потому, что ты сильный, малыш, а Суидей был слаб, – сделал еще пару глотков Ричард Уоллес. – Посему Суидей продал все, что у него было. Драгоценности, земли, дома, титул... Все, что имел, и нанял два десятка лучших воинов, которых только смог отыскать. У раджи было впятеро больше магов. Но не все так хороши в сече, как ты или граф Дожар, с которым вы вечно цапаетесь. Просто маги. Строители, мудрецы, прорицатели, травники, заклинатели... Мы взяли дворец раджи Ханума, разнесли его вдребезги, мы перебили всех обитателей, а самого раджу поймали, привязали ноги к затылку и притащили Суидею. Надеюсь, лесной чаро-

дей развлекся вволю и никогда после не пожалел, что остался нищим... Подожди, а зачем я тебе это рассказываю?

– Вы говорили о дружбе с моим отцом, сэр Ричард Уоллес.

– А-а-а... – осушил бокал учитель. – Во время штурма меня чуть не расплющило брошенным валуном. Какой-то излишне умелый маг дунул песчинкой, каковую я просто не заметил. А в последний миг камушек обратился в целую скалу. И быть бы мне фаршем, кабы один из воинов, с которым я даже не удосужился познакомиться, не раскрошил уже опрокинувшийся, но еще не раздавивший меня валун. Я честный человек. Я сказал, что обязан ему жизнью и желаю вернуть сей долг. После этого лет двести мы дрались бок о бок, нанимаясь в одни и те же ордена и рода, вступая в одни и те же войны. И что ты думаешь? – преподаватель расхохотался: – Он спас меня еще три раза, а я так и не нашел момента, чтобы ответить ему тем же!

Ричард Уоллес налил себе еще вина, поднял бокал:

– За твоего отца, малыш! За храброго Гаэтано Кро – лучшего из воинов этой дряхлой, умирающей планеты!

Преподаватель выпил, крикнул и так сдавил бокал, что тот рассыпался в осколки.

– В общем, я понял, что таким образом мне долг не отдать, – развел руками сэр Уоллес, – и мы расстались. Не то чтобы так решили, но Гаэтано встретил твою мать, мне предложили членство в ордене, и мы не стали так уж крепко держаться друг за друга. Ныне, видишь, я дослужился до

магистра, а друг мой так и скитается по свету, торгуя мечом и оставаясь любящим мужем. Вот только детей у него и Амелиты никак не появлялось. И потому пятнадцать лет назад, когда в руках ордена появился розовощекий малыш, я вспомнил про него и отправил письмоце...

– Значит, это вы выбрали мне родителей, сэр Ричард Уоллес?

– Обниматься не надо, – придвинул к себе целый бокал учитель. – Обойдемся без соплей.

– А где мои настоящие родители?

– Перед смертью узнаешь. – Сэр Уоллес опрокинул бутылку над бокалом, потряс, но так ничего и не выцедил. Недовольно хмыкнув, подбросил: – Трунио!

Битали опять не заметил, когда бывший наемник успел выдернуть палочку. Бутылка же, не успев долететь до потолка, исчезла, обратившись в невидимую глазу песчинку.

– Мсье Кро, будьте так любезны. Там, возле входа, стоит корзина с бутылками. Подайте мне одну.

– Почему вы назвали нашу планету дряхлой и умирающей, сэр Ричард Уоллес? – спросил юноша, выполняя просьбу учителя.

– Ты совсем молод, малыш, ты не замечаешь перемен. – Преподаватель ткнул палочкой в горло бутылки, ничего не произнося, и наполнил бокал. Видимо, пробка исчезла. – Когда-то мы правили миром! Нам поклонялись, нами восхищались, нас слушались. Нам подчинялось все живое и мертвое!

Ныне же мы пьем вино смертных, ездим на машинах смертных, живем в домах смертных, смотрим фильмы смертных, старательно прячемся от смертных. Мы стали напоминать вшей, которые живут в шерсти буйвола, питаюсь его кровью и греюсь его теплом. И все великое достоинство вшей состоит лишь в том, что их никто на себе не замечает. А иначе недолго и дуста нюхнуть.

– Но мы люди... – сглотнув, возразил Битали. – У нас три души, мы владеем силой, мы почти неуязвимы и почти бессмертны.

– Хорошее слово «почти»! – расхохотался сэр Уоллес. – Вот уже несколько веков мелкие рода и семьи, ордена и братства грызутся меж собой, убивая друг друга, вытравливая проклятиями, насылая порчи и пестуя демонов. Нас было около ста тысяч перед Первым Пророчеством, сто тысяч перед Вторым, сто тысяч перед Большой Войной и примерно сто тысяч сейчас. Смертные же из десятка деградировавших магов обратились в пять миллиардов. И этот мир теперь принадлежит им! Пятое Пророчество: «И смертные превзойдут могуществом магов». Когда Темный Лорд произносил его, над ним смеялись! Никто не верил, никто даже представить не мог, чтобы случилось подобное! И вот оно есть... Вши на шкуре, воображающие, что владеют и управляют быком!

Преподаватель решительно опрокинул в себя очередной бокал.

– Там, в святилище, – сглотнул Битали. – Там символ Пя-

того Пророчества соответствует знаку Хаоса.

– Тебя это пугает? Напрасно! – опять рассмеялся сэр Уоллес. – Хаос – это не погибель. Хаос – это путь возрождения. Весь этот мир вышел из первозданного хаоса. И он совсем не плох. Хартия Свободных выросла из хаоса Большой Войны. Будет новое возрождение и из хаоса Пятого Пророчества. У хаоса есть только один ма-аленький недостаток. После него мало кто выживает!

Учитель взял бутылку, внимательно рассмотрел этикетку, тихо добавил:

– Но если хорошо подготовиться, есть неплохие шансы. Ступай, малыш, не будем нарушать режим. К четвертому пузырю пьянице собеседник не нужен. Четвертый – это уже снотворное.

Призрачный щит

Новый школьный день должен был начаться с занятий по прорицанию, однако всевидящая мадам Деборе начала урок с того, что отпустила участников братства Башни, подняв ладонь и объявив:

– Предрекаю вам, дети мои, что на сегодня вы освобождены будете от всех занятий, равно как от зачетов по всем предметам, коли сможете исполнить правильно обряды, связанные с особым поручением! Ступайте и переоденьтесь в костюмы мирские, причастность к колледжу нашему никак не выдающие! – она опустила руку, склонила голову, глядя на молодых людей: – Чего застыли? Вы, верно, думаете, я шушу? Ступайте, ступайте! Директор Бронте ждет вас во дворе через полчаса. И не надейтесь, что сдать зачеты особым образом окажется для вас проще, нежели общим порядком!

Однокурсники переглянулись и стали пробираться к выходу.

В этот день Битали впервые увидел профессора Бронте не в мантии из малиновой парчи, а в обычной суконной куртке и потертых джинсах, заправленных в мятые кирзовые сапоги. Куртка явно имела надставные плечи, поскольку скрадывала контраст между большой головой директора и его щуплым телом. Седые волосы главного чародея колледжа были аккуратно зачесаны назад, на голове сидела суконная же пи-

лотка с пером. Больше всего директор напоминал обликом швейцарского охотника, оставившего в гостинице ружье и патронташ и собравшегося погулять... Да, наверное, именно под охотника он и маскировался.

Участники братства Башни по требованию Артура Бронте тоже оделись так, чтобы не выделяться среди смертных. Что для большинства было совсем не сложно – почти все приехали в колледж на автобусах, поезде или такси и нужные костюмы имели. Исключение составили Генриетта Вантенуа, отчего-то нацепившая длинную цветастую юбку из сатина, свитер крупной вязки и яркий красно-желтый платок, и Надодух Сенусерт, которого как ни одевай – все едино шерсть наружу лезет.

Впрочем, недоморф привык отводить глаза и не опускать воротника, а одежные фантазии Генриетты не выходили за пределы обычного для смертных поведения.

– Я бы советовал вам не расслабляться, молодые люди, – обойдя семерых подростков, сказал профессор Бронте. – Вы освобождены сегодня от занятий не просто так, для пустой прогулки. От вас потребуются все те знания, которые вы успели усвоить за минувшие пять лет, внимание и осторожность! Хочу напомнить, что вы выполняете важнейшую миссию, возложенную на нас Советом Хартии. Сбор вещей Темного Лорда сделает мир куда безопаснее и укрепит основу основ нашего мира: свободу, защищаемую достойнейшими из достойных нашего Совета!

– Так зачет будет? – дослушав директора, поинтересовался Ларак.

– Если вы выполните данное поручение, то спасете человечество и получите годовой зачет по всем дисциплинам, – усмехнулся Артур Бронте, похлопал себя по груди, явно проверяя, на месте ли палочка, и махнул рукой: – Идемте за мной.

К удивлению учеников, директор повел их не в замок, а на край двора, за трибуны болельщиков, поставил возле одного из массивных камней фундамента и ударил палочкой по валуну:

– Филов луг!

Сердце привычно екнуло, желудок дернулся наверх, всех слегка замутило – и тут же отпустило. Ученики и директор находились в широкой зеленой долине меж двух горных отрогов. Отрогов настоящих, с отвесными склонами в сотни арпанов высотой и сверкающими изумрудными ледниками на нескольких, самых высоких пиках. Здесь было зябко, но солнечно и дышалось как-то необычайно легко.

– Мы в горах, да? – прищурился Цивик. – И на хорошей высоте... Солнце над головой, время за полдень. Нет, это не Швейцария – слишком большая разница во времени. Мы на Тибете, да? Не знал, что у нас во дворе есть камни перемещения.

– Местные жители не любят этого места, – пропустил его вопросы мимо ушей директор и присел на серый трещино-

ватый валун, похожий на тот, что находился во дворе замка. – Считают долину проклятой, населенной подземными демонами, пожирающими людей. Но это, конечно же, не так. Шестьсот семь лет тому назад через эту долину отступал отряд одного из сыновей Эдриджуна по имени Найд и по прозвищу Призрак. У него было много сторонников, желавших сделать его диктатором, хозяином планеты. Но не так много, как врагов. Путь к реке Призраку перекрыли полсотни британских озерников, а сзади наседали отряды Хартии из местного ополчения, сибирских наемников и воинов ордена. Найд оторвался от нас и вполне мог скрыться, но озерники связали его боем. Они рубились, наверное, часа два. Кто победил, неизвестно. Когда мы настигли врага, перебили и тех, и других. Свобода была ненавистна им всем.

– Вы сражались в этой битве, профессор? – не без восхищения переспросила Анита.

– Разве достоин доверия тот, кто не проливал кровь во имя общей цели? – пожал плечами Артур Бронте. – Среди Совета Свободных за свободу воевали все. Но важно не это. Важно то, что Найд Призрак исчез после этой битвы и его никто и никогда больше не видел. Вместе с ним исчез и щит Темного Лорда, доставшийся Найду после дележа наследства. Как вы знаете, каждый из сыновей Эдриджуна получил что-то из вещей, что-то из оружия, что-то из доспехов. Дочерям тоже кое-что досталось... Так все это по Земле и расплзлось.

– Может, просто сбежал? – предположил Дубус.

– В нашем мире сыну Темного Лорда почти невозможно скрыться, мсье, – покачал головой Бронте. – И глава вашего братства тому пример. Сколько веков прошло, однако стоило Битали появиться в школе, как почти сразу нашелся тот, кто опознал потомка Мага Двух Драконов. Призрачный щит тоже трудно скрыть... Хотя именно прятать этот щит умеет прекрасно. Под его прикрытием Эдриджун нередко вступал в бой невидимым для врага, тем самым заставляя нас врасплох. А кроме того... Я ведь говорил вам, что оружие Темного Лорда убивает любого, в жилах кого не течет его кровь? Так вот, за минувшие века на этом поле бесследно исчезло несколько сот смертных и много десятков колдунов, пожелавших разгадать сию загадку.

– Призрачный щит делает своего владельца невидимым? – уточнил Надодух.

– Именно так, мсье Сенусерт, – подтвердил директор. – По желанию владельца, разумеется. Его самого и тех, кто рядом.

– То есть он лежит где-то здесь, но его никто не видит и не может найти?

– Вы повторяетесь, мсье Сенусерт, – покачал головой профессор Бронте.

– Несколько сотен счастливых его все-таки нашли, – негромко напомнила Генриетта. – Странно, что эта груда костей никак не выдает его положения.

– Так, и что нам делать, профессор? – спросила Анита Го-

рамник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.